

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ О ХИВИНСКОМЪ ХАНСТВѢ.

(Съ картою средняю и нижнюю теченія Аму-дарьи (*)).

I.

ОТЪ ИЛЪЯЛЛОВЪ КЪ ХИВЪ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1873 года въ русскомъ лагерѣ подѣ городкомъ Илъяллы господствовало чрезвычайное движеніе. Туркмены толпами являлись въ лагерь для вноса наложенной на нихъ главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ контрибуціи, приносили съ этою цѣлью деньги и разныя серебряныя вещи, которыя тутъ же принимались на вѣсъ въ особой комисіи. Туркмены приводили даже на продажу своихъ рослыхъ коней и верблюдовъ, привозили клеверъ, ковры и разныя припасы, и вырученныя деньги вносили въ счетъ контрибуціи. Отъ нѣкоторыхъ болѣе отдаленныхъ туркменскихъ родовъ прибывали депутаціи съ изъявленіемъ покорности и готовности исполнить всѣ наши требованія, а также съ просьбою дать нѣсколько времени для сбора денегъ. Солдатики наши, утомившіеся въ первой половинѣ іюля быстрыми переходами, а въ особенности ночными тревогами и боевыми трудами, успѣли нѣсколько отдохнуть, и по вечерамъ, передъ зарей, въ разныхъ концахъ лагеря, весело раздавалась ихъ молодецкая пѣсня. Дагестанскіе казаки изъ Кавказскаго отряда разнообразили русскіе народные и военные мотивы своеобразною кавказскою музыкой и граціозною, удалою лезгинкой.

Въ это же время, командующій войсками, дѣйствовавшими въ Хивинскомъ ханствѣ, получилъ телеграмму, извѣщавшую его о милостяхъ Государя Императора къ нему лично и къ подчиненнымъ ему войскамъ за оказанныя ими въ походѣ отличія. Офицерамъ, являвшимся къ нему съ поздравленіями, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ сказалъ привѣтливую, теплую рѣчь, а на парадѣ объявилъ и войскамъ о Монаршей къ нимъ милости.

Все это придадо еще болѣе веселости и оживленія нашему лагерю; вездѣ шла рѣчь о томъ, что походъ слѣдуетъ считать блиста-

(*) Карта средняго и нижняго теченія Аму-дарьи составлена въ 1874 году поручикомъ Сыроватскимъ и подпоручикомъ Назарьевымъ, на основаніи различныхъ картъ и свѣдѣній, начиная съ 1858 года (карта адмирала Бутакова), по 1873 годъ включительно.

тельно законченнымъ, и что, вѣроятно, отряды скоро направятся обратно по домамъ.

Оренбургскій отрядъ уже былъ выдвинутъ къ сѣверу на Куня-Ургенчъ и Кунградъ, частью, чтобы повліять на сѣверные туркменскіе роды и собрать съ нихъ контрибуцію, частью же, съ цѣлію занять позицію на пути своего возвращенія въ Оренбургъ.

Въ это-то время рѣшено было отправить экспедицію для изслѣдованія или, вѣрнѣе, обзора дельты рѣки Аму и, при случаѣ, изысканія удобнѣйшаго прохода нашихъ судовъ изъ Аральскаго моря въ Аму-дарью. Подполковникъ баронъ Каульбарсъ, на правахъ начальника экспедиціи, я, топографъ Рудневъ, четыре сибирскихъ казака, вѣстовой казакъ барона Каульбарса и казакъ-ураецъ, за переводчика, назначены были въ составъ этой экспедиціи. Впослѣдствіи, по прибытіи нашемъ къ стоянкѣ Аральской флотиліи, къ намъ должны были присоединиться еще одинъ офицеръ и два топографа съ небольшою командой моряковъ.

Одновременно съ нами, изъ лагеря подъ Ильялами, отправились штабсъ-капитанъ Е. курьеромъ съ донесеніемъ въ Петербургъ и два офицера, возвращавшіеся въ Россію. Маршрутомъ для ихъ слѣдованія избранъ былъ путь на Хиву, Ходжейли, озеро Дау-кара, Иркибай и Казалинскъ; имъ было дано нѣсколько человѣкъ надежныхъ казалинскихъ киргизовъ въ проводники, и для безопасности обѣ эти партіи были соединены въ одну до озера Дау-кара, гдѣ намъ предстояло изслѣдовать истоки этого озера въ Аральское море и устья рѣки Аму, а курьеръ долженъ былъ направиться прямо на Сыръ-дарью къ Казалинску.

До г. Ханки предполагалось сдѣлать верхомъ возможно быстрый переходъ, въ Ханкахъ же сѣсть съ лошадьми въ лодки и по теченію плыть до озера Дау-кара. До г. Хивы взяты были четыре арбы съ вещами, которыя имѣлось въ виду сложить тамъ въ нашемъ лагерѣ, а далѣе идти, по возможности, налегкѣ.

28-го іюля, въ три часа пополудни, наша маленькая партія выступила изъ лагеря подъ Ильялами по дорогѣ въ Хиву.

Я былъ задержанъ на нѣсколько минутъ въ лагерѣ по дѣламъ службы, затѣмъ, выѣхавъ оттуда, второпяхъ забылъ сумку съ серебромъ, приготовленнымъ на дорожные расходы, и потому долженъ былъ снова вернуться за нею въ лагерь. Выбравшись изъ него вторично въ догонку уѣхавшихъ товарищей, я только на четвертой верстѣ отъ лагеря увидалъ наши арбы съ шестью казаками и топографомъ.

Сначала дорога отъ лагеря обогнула городокъ Ильяллы и у самыхъ воротъ его перебросилась по мостику чрезъ довольно широкій и глубокий каналъ (арыкъ); а затѣмъ, она извиистой змѣйкой стала пробираться между садовъ, окаймленныхъ таловыми аллеями, посаженными по берегамъ большихъ и малыхъ, встрѣчавшихся во всѣхъ направленіяхъ, арыковъ. Проѣхавъ нѣсколько канавъ по болѣе или мѣнѣе животрепещущимъ мостикамъ, я догналъ наши арбы. Офицеровъ не было видно; я подумалъ, что они не вдалекѣ впереди, и пустилъ свою лошадь шагомъ, чтобы дать ей немного вздохнуть. Сады замѣтно бѣднѣли; арыки попадались рѣже и притомъ становились уже и мельче. Подъ городкомъ еще попадались въ садахъ строенія: сакли и кибитки, изрѣдка встрѣчались и жители; чѣмъ дальше за городъ, тѣмъ мѣстность принимала все болѣе и болѣе безлюдный и пустынный характеръ. Скоро сквозь вѣтви таловъ я рассмотрѣлъ бугристые пески.

Въ первый разъ пришелъ я въ Ильяллы изъ Хивы въ составѣ отряда, слѣдовавшаго съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ чрезъ г. Казаватъ и развалины Змукшира. Приглядываясь къ мѣстности, я не узнавалъ ту дорогу, по которой мы теперь двигались.

— А гдѣ же гг. офицеры? обратился я съ вопросомъ къ одному изъ казаковъ.

— Должно впередъ заѣхали, отвѣтилъ казакъ; какъ поровнялись мы съ воротами городка, ихъ благородія заѣхали должно посмотрѣть на базаръ, а намъ приказали тронуться по дорогѣ въ Хиву.

Немного погодя, мы видѣли ихъ бѣлые кителя по ту сторону арыка межъ таловъ, а вскорѣ и совсѣмъ потеряли изъ глазъ.

— Кто-жъ у васъ проводникомъ?

— Проводникъ уѣхалъ за гг. офицерами, а у насъ, кромѣ арбакешей (подводчиковъ) никого нѣтъ.

— Спроси ихъ, знаютъ ли дорогу? приказалъ я казаку.

— Они взяты отрядомъ подъ Хивой и въ этой мѣстности, говорятъ, сроду не бывали.

Пока я велъ эти разспросы, мы выѣхали изъ садовъ въ пески, на границѣ которыхъ стояла вблизи дороги одинокая, полуразвалившаяся сакля.

На окруженномъ невысокою стѣнкою дворикѣ, влѣво отъ сакли, расположилось человѣкъ пять оборванныхъ и о чемъ-то съ жаромъ разсуждавшихъ туземцевъ. Такъ какъ отсюда на значительное разстояніе можно было видѣть направленіе нашей дороги, по которой не было замѣтно ни пыли, ни конныхъ, то я и рѣшился разспросить

туземцевъ, давно ли проѣхали офицеры съ проводникомъ, а также и о томъ, какова впереди дорога для прохода нашихъ арбъ?

Вопросъ мой, переданный черезъ казака, нѣсколько знавшаго мѣстный языкъ, вызвалъ на лицахъ туземцевъ недоумѣніе, которое, повидимому, можно было объяснить такъ: вступать ли со мной въ разговоры или нѣтъ; только рѣшительное требованіе немедленно выйти къ намъ на дорогу и отвѣчать на наши вопросы, заставило ихъ, хотя и неохотно, оставить свой дворикъ и подойти къ намъ.

— Не видали ли вы, какъ сегодня, по этой дорогѣ, проѣхало пять человѣкъ русскихъ конныхъ съ четырьмя или пятью джигитами изъ киргизовъ, и давно ли это было?

— Мы съ утра сидимъ у этой сакли и должны были всѣхъ видѣть, кто бы ни проѣхалъ этой дорогой, но ни одного русскаго, кромѣ васъ, мы не видали, отвѣчалъ смуглый оборванецъ, выглядывавшій побойчѣе своихъ товарищей.

— Куда ведетъ и какова для арбъ та дорога, по которой мы идемъ? продолжалъ я.

— Это прямой путь на Ташаузъ, но только теперь, когда разломаны мосты и попорчены арыки, дорога отъ разлива полою воды въ трехъ мѣстахъ залита, и на арбахъ пройти невозможно.

Мнѣ вспомнилось тутъ, что при движеніи на Змукширъ отряда, съ которымъ я пришелъ въ Ильялы, мы, дѣйствительно, часто встрѣчали разобранные мосты, что нѣсколько замедляло наше движеніе. Эта часть свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ, была правдоподобна, но я не зналъ, что думать о томъ, что сидѣвшіе здѣсь туземцы не видали нашихъ офицеровъ.

При встрѣчѣ на пути нѣсколько перекрестныхъ дорогъ, мнѣ пришло на мысль, что, быть можетъ, офицеры разъединились съ обозомъ, и направились одною изъ боковыхъ дорогъ. Я былъ увѣренъ, что они, снесясь въ такомъ случаѣ съ нами чрезъ джигита, сами будутъ продолжать путь къ Хивѣ для выигрыша времени.

День уже склонялся къ вечеру; дорога впереди была, вѣроятно, непроходима для арбъ, а между тѣмъ, слѣдуя съ курьеромъ, мы должны были идти какъ можно быстрее. Поэтому, для избѣжанія какой либо остановки, я рѣшился направить обозъ на Змукширъ по знакомому мнѣ пути слѣдованія отряда генерала Кауфмана, исправившаго всѣ мосты, а по другимъ дорогамъ, къ Хивѣ, послать нарочныхъ для извѣщенія барона Каульбарса, что обозъ спѣшитъ въ г. Казавать, куда сходятся всѣ дороги отъ Ильяловъ на Хиву.

Прежде всего, необходимъ былъ проводникъ.

— Въ обезпеченіе справедливости отвѣтовъ вашихъ на сдѣланные мною сейчасъ вопросы, а также и на тѣ, которые я собираюсь вамъ предложить, одного изъ васъ, посмышленѣе, я беру съ собою, обратился я къ туркменамъ черезъ переводчика-казака; онъ долженъ будетъ указывать мнѣ удобную для арбъ дорогу къ г. Казавату. За правдивыя свѣдѣнія и указанія онъ получитъ въ награду хивинскаго серебра, а за противное ему придется весьма плохо.

Разговаривавшій со мною отвѣчалъ, что онъ всѣ дороги въ окрестности знаетъ такъ, что не ошибется и въ темную ночь.

— Сколько ташъ (1 ташъ равняется 8 верстамъ) отсюда до г. Ташауза?

— Немного менѣе четырехъ ташъ.

— А отъ г. Ташауза до г. Казавата?

— Четыре таша.

— Сколько будетъ до Змукшира и отъ Змукшира до г. Казавата?

— Два да четыре—шесть ташъ.

— Есть ли отсюда, не возвращаясь назадъ, поворотъ на Змукширъ, гдѣ бы можно было пройти съ арбами?

— Нужно вернуться только на двѣсти локтей, чтобы по мосту перейти черезъ сухой оврагъ, только что вами пройденный, и затѣмъ, взять влѣво степью, по которой вездѣ, куда вамъ надо, тамъ и дорога. Немного встрѣтится рыхлаго песку, остальное твердый грунтъ. Лошади у васъ свѣжи, пройдутъ; я же пѣшкомъ провожать васъ не берусь, устану; а лошади своей у меня здѣсь нѣтъ.

Посадили мы импровизованнаго проводника на одну изъ запасныхъ лошадей и тронулись назадъ. Одному изъ казаковъ приказано было зорко слѣдить за взятымъ туркменомъ.

Меня занимала мысль, кого и какъ отправить съ извѣстіемъ о насъ къ отсутствующимъ офицерамъ.

— Не возьмутся ли твои товарищи проѣхать быстро по боковымъ дорогамъ отъ Ильялловъ на Ташаузь, чтобы нагнать русскихъ и передать бумагу?

— Здѣсь нѣтъ у насъ ни одной лошади, а вотъ скоро мы пройдемъ вблизи небольшого аула, тамъ есть и лошади и джигиты.

— Сколько же всѣхъ дорогъ отъ г. Ильялловъ на г. Ташаузь?...

— Три.

— Вѣрно ли, что по этой дорогѣ, гдѣ мы идемъ, сегодня не проѣзжалъ ни одинъ русскій?

— Съ самаго утра никого не было видно.

Такая неудача съ первыхъ шаговъ видимо омрачила наше на-

строение. Проѣхавъ, по мостику, послѣдній послѣ садовъ, глубокий и сухой арыкъ, мы вслѣдъ за проводникомъ взяли влѣво и, по совершенно голой и песчаной равнинѣ, потянулись вереницей.

Направо виднѣлась опушка садовъ, налѣво пустынная равнина безъ всякой растительности, усѣянная песчаными буграми, вытянутыми по одному направленію въ формѣ лежащей трехгранной призмы. Такіе песчаные, пустынные и бугристые острова не одинъ разъ уже встрѣчались мнѣ среди хивинскаго оазиса, представляющаго, впрочемъ, въ своей южной и средней полосахъ почти сплошные сады и поселенія.

Подвигаясь далѣе и по мѣрѣ того, какъ терялась изъ виду опушка садовъ, мы стали встрѣчать сначала очень рѣдкій и низкій степной камышъ и осоку, которые, становясь все гуще, вскорѣ начали, своею густотою и аршиннымъ ростомъ, затруднять наше движеніе.

— Скоро аулъ, обернулся проводникъ, а тамъ, пройдя съ небольшимъ одинъ ташъ, выйдемъ и на дорогу вблизи Змукшира.

— Арбакеши просятъ немного воды своимъ лошадямъ, передай мнѣ казакъ; въ аулѣ должна быть вода.

— Есть ли въ аулѣ колодезь? спросилъ я проводника.

— Тамъ близко небольшое озеро на мѣстѣ старой дарьи (рѣки), а колодезь нѣтъ, объяснилъ туркменъ.

— Что же скота не видно: вѣдь корму здѣсь много?

— Русскій прошелъ съ пушками: боятся, и держатъ скотъ дома подъ замкомъ, а многіе даже уѣхали и скотъ увели съ собой.

— Кто же ты самъ: хивинецъ или туркменъ?

— Родомъ я бухарецъ; здѣсь же живу уже года три. А вотъ и аулъ.

Среди густаго камыша или, вѣрнѣе, осоки виднѣлись низенькія стѣнки нѣсколькихъ сакель; тутъ же стояло около пяти кибитокъ. Въ стѣнахъ туркмены помѣщаютъ лѣтомъ скотъ и лошадей, а сами предпочитаютъ кошечныя или даже камышевыя (составленныя изъ чіевъ) кибитки. Все наличное населеніе, мужчины и женщины, старики и дѣти, высыпало изъ кибитокъ и съ любопытствомъ разсматривало насъ; на чью-то просьбу дать воды, человекъ пять разомъ вынесли деревянныя чашки съ кислымъ молокомъ (айраномъ) и водою.

Кругомъ этихъ сакель не видно ни садовъ, ни пашень, есть только небольшой клочокъ тощаго, чахоточнаго клевера. Къ стѣнамъ сакель, для просушки на солнцѣ, прилѣплено было множество лепешекъ изъ помѣта; это *кизякъ*—степное топливо. Женщины у туркменовъ не закрываютъ лица и на головѣ имѣютъ цвѣтной коническій уборъ;

держатъ онѣ себя совершенно непринужденно, подходятъ къ казакамъ и сами вступаютъ въ разговоръ. По наружному виду, и мужчины, и женщины весьма близки къ хивинскимъ узбекамъ, а костюмы ихъ отличаются отъ видѣнныхъ мною въ Хивѣ развѣ только числомъ заплатъ и ветхостью.

Узнавъ, что въ самомъ аулѣ нѣтъ водопоя, которымъ служить лежащее немного впереди озерко, я направилъ впередъ своихъ спутниковъ, а самъ съ казакомъ-переводчикомъ остался для того, чтобы къ нашимъ офицерамъ послать изъ аула, по другимъ дорогамъ, верхового съ извѣстіемъ о томъ, какъ и куда мы идемъ.

Едва успѣлъ я объяснить мое требованіе, какъ одинъ изъ молодыхъ туркменовъ приказалъ своей женѣ привести изъ сакли лошадь и общалъ къ утру розыскать насъ около Змукшира, гдѣ мы, вѣроятно, должны будемъ дать лошадямъ и себѣ небольшой роздыхъ.

Пока я наскоро написалъ записку къ барону Каульбарсу о всемъ случившемся, жена джигита подвела уже осѣдланную лошадь. У туземцевъ лошади почти никогда, или очень рѣдко, разсѣдываются и въ стойлахъ всегда стоятъ подъ сѣдломъ.

Получивъ бумагу и десять кокановъ (1 коканъ = 20 коп.) серебра, джигитъ сѣлъ на лошадь и вскачь тронулся съ мѣста.

Я догналъ своихъ.

Отойдя съ полверсты отъ аула, мы влѣво замѣтили лощину.

— Старая дарья, указалъ проводникъ.

Подѣхавъ ближе, мы увидали, что довольно крутые склоны въ лощину, носившую ясный характеръ рѣчнаго русла, были песчаны и оголены отъ всякой растительности; по дну иногда встрѣчались лужи, а въ одномъ мѣстѣ даже небольшое озерко съ нѣскольکو солоноватою водою. Въ сухихъ частяхъ дна можно было явственно различить осадочный илъ.

Отъ нынѣшняго русла Аму-дарьи эта мѣстность лежитъ на западъ верстъ на 100, почти подъ одною широтою съ Ташаузомъ. Такія русла, тянуціяся съ востока на западъ, со всѣми слѣдами недавняго теченія и кое-гдѣ даже съ остатками воды, встрѣчаются не только вблизи Ильялловъ, но и далѣе къ сѣверу. Если прослѣдить эти русла, то, вѣроятно, окажется, что прежде р. Аму несла свои воды на западъ не однимъ рукавомъ.

Нѣсколько минутъ на пошло арбанныхъ лошадей, — приученныхъ здѣсь къ нему тогда, когда оно встрѣтится и во всякое время, какъ бы горяча лошадь ни была, — были удѣлены уже на закатѣ солнца, и продолжать нашъ путь безъ дорогъ и видимыхъ примѣтъ при-

шлось уже въ сумерки. Прежде всего, надо было перебраться чрезъ сухое русло. Подняться на противоположный песчаный берегъ съ арбами было нелегко: пришлось перепрягать лошадей. Затѣмъ, предстояло пройти нѣкоторое время по рыхлому песку; лошади сильно измучились, и только часамъ къ девяти копыта нашихъ лошадей стали звонко выстукивать, какъ по асфальтовой мостовой, по твердому высохшему солонцеватому грунту. Никакой растительности и слѣда не было. Даже обыкновенно встрѣчаемыхъ въ степи птицъ я не замѣчалъ. Песчаные дюны, вытянутыя по одному направленію, представляли въ сумеркахъ причудливыя очертанія.

Проводникъ ѣхалъ спокойно и увѣренно впередъ. Иногда я замѣчалъ слѣды лошади, арбы или верблюда въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. По словамъ проводника, это были слѣды бѣглецовъ, спасавшихся отъ русскаго отряда въ глубь бесплодной степи, рассчитывая, не безъ основанія, что туда русскія войска не пойдутъ.

Наконецъ, выглянула луна, хотя небо и затягивалось тучами. Ночь стояла теплая. Послѣ жаркаго дня мы были рады нѣкоторой прохладѣ. Наши лошади пошли бодрѣе, и часамъ къ одиннадцати мы вышли на дорогу, ведущую отъ Ильяловъ на Змукширъ. Зубчатые развалины этой крѣпости, расположенной на небольшомъ бугрѣ, выдѣлялись на незатянutoй тучами части горизонта.

Едва успѣли мы выйти на дорогу, какъ справа поднялся сильный вихрь съ пескомъ; всѣмъ пришлось укрыться башлыками, а лошади еле двигались и постоянно сбивались съ дороги. Въ трехъ шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть. Медленно подвигались мы, нерѣдко сбивались съ дороги, останавливались, съ трудомъ снова находили ее, и только спустя часъ по полуночи подошли къ развалинамъ Змукшира. Переходя мостикъ арыка, идущаго вблизи самыхъ развалинъ, мы услышали впереди себя лошадиный топотъ. Я и Рудневъ, поскакавъ впередъ, увидели двухъ хивинцевъ или туркменовъ, бросившихся въ сторону съ дороги и мгновенно пропавшихъ въ темнотѣ. За развалинами начались снова сады и строенія.

Въ первой попавшейся вблизи дороги саклѣ мы остановились на ночлегъ. Ворота, ведшія на дворъ этой сакли, были выломаны, внутренность всѣ выжжена, а на мѣстѣ склада камыша и кизяка огонь продолжалъ еще тлѣть. Жителей ни души. Въ одномъ углу лежала убитая или издохнувшая отъ голода, дыма и огня корова, въ другомъ—ключья азіятской одежды.

Барикадировавъ арбами ворота и размѣстивъ поудобнѣе лошадей, мы всѣ занялись чайникомъ. По очереди (часа на два) казаки стави-

ли часового, который наблюдалъ за дорогой, лошадьми и нашими арбаками.

Буря все продолжалась, и до утра намъ ничего болѣе не оставалось, какъ пользоваться временемъ для отдыха. Скоро всѣ, кромѣ часового, заснули.

— Ваше б—діе, человекъ десять конныхъ туркменовъ остановились на дорогѣ и окликають, будиль меня часовой.

Взявъ съ собой переводчика и оружіе, я вышелъ за ограду. Ко мнѣ тотчасъ же подѣхалъ джигитъ, посланный мною по дорогамъ на Ташаузъ. Онъ мнѣ вручилъ записку барона Каульбарса, который предлагалъ перевьючить часть вещей на лошадей, бросить арбы съ остальнымъ имуществомъ, и если есть опасность со стороны туркменскихъ шаекъ, то пройти ночью, на рысяхъ, въ Ташаузъ; въ противномъ случаѣ, совѣтовалъ спѣшить къ Казавату. Джигитъ сообщилъ, что съ нимъ явились, на случай надобности, еще девять человекъ конныхъ.

Со мной были нѣкоторыя тяжелыя казенныя вещи, на примѣръ, универсальный инструментъ, неудобный для вьюка, и оставить который я, однако, не могъ. Кромѣ того, не встрѣтивъ по эту сторону песковъ не только враждебнаго, но и какого бы то ни было населенія, я не могъ ничего сказать о степени опасности, которой мы подвергались въ этомъ уголкѣ территоріи іомудовъ.

По словамъ посланнаго, отъ Змукшира къ Ташаузу прямой дороги нѣтъ; по полямъ же, черезъ арыки и сады, разстояніе будетъ развѣ немногимъ меньше, чѣмъ до Казавата по дорогѣ. О настроеніи жителей я вскользь могъ получить только такой отвѣтъ: «всякіе есть: одни хотять мира съ русскими, другіе нѣтъ. Между хорошими джигитами всегда есть и худые люди (джаманъ)».

Вѣроятность пройти благополучно была почти одинакова какъ на Ташаузъ, такъ и на Казаватъ. При послѣднемъ направленіи выигрывался почти цѣлый день, и, слѣдуя по дорогѣ, не приходилось ничего бросать изъ бывшихъ съ нами вещей. Потому, написавъ, что къ ночи мы постараемся прибыть въ Казаватъ, я отправилъ къ барону Каульбарсу, на всякій случай и съ тѣмъ же джигитомъ, чаю, сахару и сухарей. Конныхъ я тоже вернулъ, не имѣя никакого основанія довѣрять имъ болѣе другихъ.

Получивъ нѣсколько кокановъ, нашъ прежній проводникъ взобрался сзади сѣдла на лошадь одного изъ возвращавшихся джигитовъ и, повидимому, очень довольный, простился съ нами.

Заря занялась, и мы, наскоро собравшись, потянулись по знако-

мому уже намъ пути. Дорога теперь шла среди воздѣланныхъ полей и пересѣкалась нерѣдко арыками. Вправо и влѣво виднѣлись строенія, обсаженные деревьями. При каждой саклѣ маленькое хозяйство: одинъ уголокъ поля засѣянъ клеверомъ, другой рисомъ, пшеницею или ячменемъ, третій хлопчатникомъ. Въ оградѣ, близъ сакли, развѣсистый урюкъ и тутовое дерево; подъ нимъ водоподъемное колесо черпаетъ воду изъ ниже-идущаго большаго арыка, и сѣтью миниатюрныхъ арычковъ распредѣляетъ воду то на клеверъ, то на рисъ или хлопчатникъ, смотря по надобности. Осель или чаще лошадь, припряженная къ рычагу этой незамысловатой водоподъемной машины, терпѣливо и однообразно вертится по безконечному кругу. Скрипъ деревянныхъ осей и плескъ воды при такой работѣ слышны уже издали.

Когда я въ первый разъ проходилъ этой дорогой, все было пусто: жителей ни души; скота тоже не было видно. Одиѣ куры и собаки не разставались съ роднымъ кровомъ. Теперь же кое-гдѣ замѣтно было движеніе. Тамъ паслась на арканѣ лошадь, здѣсь работало водоподъемное колесо; тамъ, наконецъ, вдали виднѣлись коническія шапки конныхъ путниковъ.

Каково-то эти люди отнесутся къ намъ, думалъ я. Съ одной стороны, извѣстная мстительность характера туркменовъ въ виду страшнаго погрома, нанесеннаго имъ нашимъ отрядомъ; съ другой—наша малочисленность и хивинская привычка дѣйствовать изъ-за угла, засадой и измѣной, не обѣщали много хорошаго. Впрочемъ, паническій страхъ, который овладѣваетъ всѣми среднеазіятцами при первой неудачѣ, позволялъ намъ рассчитывать, что послѣ недавняго пораженія туркменовъ мы благополучно проберемся въ Казаватъ. Поэтому, двинувшись впередъ, я заранѣе рѣшилъ, если потребуется, дѣйствовать энергично, будучи убѣжденъ, что дерзость при подобныхъ обстоятельствахъ всегда будетъ имѣть успѣхъ.

Пройдя не болѣе часа, мы услышали сзади себя по дорогѣ лошадиный топотъ. Обернувшись, я разглядѣлъ кучку конныхъ, человѣкъ въ 15, и впереди всѣхъ осанистаго, совершенно сѣдаго старика на прекрасномъ, росломъ, рыжемъ конѣ. Выглядывавшіе кое-гдѣ изъ-за спинъ всадниковъ стволы свидѣтельствовали о томъ, что они были вооружены. Насъ раздѣлялъ уже одинъ только арыкъ, по мостику котораго мы только что перешли, когда я повернулъ свою лошадь и, крикнувъ переводчика, направился на встрѣчу нагонявшимъ насъ. Тѣ осадили коней у самаго арыка.

— Спроси ихъ, сказалъ я переводчику, зачѣмъ они разѣзжаются здѣсь по дорогамъ вооруженными шайками, когда ихъ старшины про-

силы у нашего начальника прекращенія военныхъ дѣйствій, изъясняя покорность за своихъ соплеменниковъ!

Отвѣта не было. Я разглядѣлъ на нѣкоторыхъ туркменахъ англійскія двуствольныя винтовки большого калибра, кавказскіе пистолеты и разнообразныя кривыя сабли (клычи); на старикѣ оружія не было.

— Передай старику, чтобы онъ сейчасъ же отобралъ у своихъ все оружіе и сдалъ его намъ.

Туркмены соскочили съ лошадей, и одинъ изъ нихъ собралъ у всѣхъ въ охапку ружья и сабли, но вмѣсто того, чтобы по мосту передать свою ношу намъ, онъ вскочилъ на лошадь, бросился въ сторону отъ дороги къ садамъ и вскорѣ пропалъ изъ виду.

Разоруженія этихъ туркменовъ было для меня совершенно достаточно, и догонять бѣжавшаго не было ни возможности, ни цѣли. Тѣмъ не менѣе, чтобы показать настойчивость и хотя нѣсколько оградить себя отъ встрѣчи съ ускользнувшимъ оружіемъ, гдѣ нибудь впереди, я арестовалъ одного изъ шайки, сказавъ, что онъ будетъ заложникомъ во все время нашего пути до Казавата, и если гдѣ либо противъ насъ будетъ употреблено ускользнувшее или другое какое оружіе, то первая наша пуля будетъ заложнику. Одинъ изъ казаковъ взялъ лошадь арестованнаго въ поводъ, и мы отправились далѣе. Конные разбрелись въ разныя стороны по садамъ; а новый, невольный нашъ спутникъ совершенно спокойно и хладнокровно вступилъ со мною въ бесѣду о томъ, куда мы идемъ и что съ нимъ будемъ дѣлать.

Отъ времени до времени, изъ-за песчаныхъ холмовъ, тамъ и сямъ встрѣчавшихся по дорогѣ, выглядывали островерхія бараньи шапки, какъ бы наблюдая за нами. Мы спокойно продолжали свой путь. Вскорѣ нагнали перекочевывавшую на покинутое жилище туркменскую семью. Грузно нагруженная кошмами, одѣялами и разнымъ скарбомъ, арба медленно вытягивалась утомленною лошадью, которою правилъ, сидя на ней, мальчикъ лѣтъ 12-ти. Сбоку ѣхалъ верхомъ молодой мужчина, опоясанный саблей. По сторонамъ дороги двѣ женщины гнали коровъ и несли грудныхъ дѣтей.

Поровнявшись съ вооруженнымъ джигитомъ, мы спросили, куда онъ направляется. Онъ указалъ на темнѣющую впереди группу садовъ.—Откуда? Онъ молча указалъ рукою на степь. Видъ женщинъ и дѣтей былъ до крайности жалокъ. Много голода и лишеній, потерь и горя можно было прочесть на ихъ страдальческихъ лицахъ. На

насъ всѣ смотрѣли со страхомъ, и какъ только мы проѣхали, вся семья тотчасъ же свернула съ дороги.

Импровизованный проводникъ нашъ прекрасно зналъ мѣстность, указывалъ намъ кратчайшее направленіе тамъ, гдѣ дорога раздваивалась, болѣе надежный мостикъ тамъ, гдѣ былъ выборъ; однимъ словомъ, всячески старался намъ угодить. Гдѣ встрѣчалъ жителей, онъ что-то имъ кричалъ, и тѣ выѣзжали къ намъ съ привѣтствіемъ и съ пожеланіемъ добраго пути, предлагали свѣже-испеченныя лепешки и вообще встрѣчали съ такимъ радушіемъ, какого я отъ турменовъ вовсе не ожидалъ.

Когда мы остановились въ полдень покормить лошадей и сварить себѣ пищу, насъ окружила толпа человѣкъ въ пятьдесятъ. Тутъ были старики и женщины, взрослые и дѣти, всѣ разглядывали насъ съ большимъ любопытствомъ, но почтительно. Предложили даже намъ свои услуги выводить нашихъ лошадей, отчего я, впрочемъ, отказался. Принесли намъ топлива, клеверу, лепешекъ, молока, куръ и, наконецъ, привели барана; барана я не взялъ за ненужностью и недостаткомъ времени на приготовленіе его въ пищу. Когда жителямъ выдали хивинскимъ серебромъ, по расчету среднихъ цѣнъ, за все принесенное ими, то они остались чрезвычайно довольны и предлагали еще разной провизіи до тѣхъ поръ, пока имъ на отрѣзъ не отказали. Барана же хотѣли, чтобы мы взяли даромъ въ подарокъ (*селяу*), и мы насилу ихъ убѣдили, что баранъ для насъ въ дорогѣ будетъ составлять лишній и неудобный грузъ.

Употребленіе зажигательнаго стекла очень забавляло туркменовъ; они ничего подобнаго никогда не видали. (Впрочемъ, въ хивинскомъ дворцѣ у хана найдены два небольшихъ, грубо сдѣланныхъ, зажигательныхъ стекла).

Пока мы не сѣли на лошадей, толпа не расходилась, и все время любезно ухаживала за нами и нашими лошадьми.

Выступивъ часа въ три, мы отпустили нашего заложника, замѣнивъ его проводникомъ-охотникомъ. Во время пути, бывшій нашъ проводникъ говорилъ охотно и умно обо всемъ, о чемъ его спрашивали, но когда рѣчь зашла о томъ, откуда пришли его товарищи, и кто былъ сѣдой, важный съ виду, старикъ, то на эти вопросы проводникъ или отмалчивался, или давалъ сбивчивые и разнорѣчивые отвѣты.

На прощанье онъ успѣлъ, однако, немного обмануть насъ, увѣривъ, что до Казавата осталось не болѣе полуташа (четырехъ верстъ).

Эти четыре версты мы, тѣмъ не менѣе, прошли только къ девяти часамъ вечера.

Между Змукширомъ и Казаватомъ земля іомудовъ весьма богата посѣвами. Садовъ, впрочемъ, меньше, чѣмъ подъ Хивой или Ургенчемъ, и строенія также не такъ высоки и обширны. Жилище земледѣльца подъ Хивой или Хазаръ-Аспомъ весьма похоже на маленькую азіятскую крѣпость: оно имѣетъ видъ правильнаго четырехугольника, обнесеннаго высокими, въ 12—15 аршинъ, глиняными зубчатыми стѣнами, перѣдко съ бойницами; массивныя ворота ведутъ во дворъ, гдѣ уже по стѣнамъ расположены сакли, конюшни и другія хозяйственныя строенія. Въ этой крѣпости живетъ по нѣскольку семей. У туркменовъ же стѣны много ниже, постройки попроче и для помѣщенія семьи имѣется всегда на дворѣ кибитка изъ кошемъ или камыша.

Верстахъ въ двухъ за садами городка Казавата проходитъ граница территоріи собственно Хивинскаго ханства и кочевыхъ туркменовъ (іомудовъ).

Тутъ мы встрѣтили двухъ хивинцевъ, посланныхъ барономъ Каульбарсомъ намъ на встрѣчу, чтобы провести насъ къ его биваку.

Пройдя городъ, имѣющій общую фیزیономію всѣхъ хивинскихъ городовъ: зубчатая глиняная стѣна, досчатая ворота, узкія, кривыя, пыльныя въ сухое время и невылазныя въ мокрое, улицы; двухэтажныя аданія, безъ оконъ, съ лавочками подъ навѣсами; базаръ съ разными фруктами, плодами и съ кривляющимся раскащикомъ-юродивымъ,—мы въѣхали въ просторный садъ и подъ старымъ, огромнымъ тутомъ нашли барона Каульбарса и другихъ офицеровъ.

Я былъ чрезвычайно радъ встрѣчѣ. На тлѣвшихся угольяхъ жарили шашлыкъ; за стаканомъ чая я рассказалъ барону о нашемъ странствіи и передалъ три туркменскія сабли, забранныя по дорогѣ у встрѣчныхъ іомудовъ.

Оказалось, что баронъ Каульбарсъ еще наканунѣ, какъ только замѣтилъ разъединеніе съ обозомъ, посылалъ нѣсколько разъ проводника встрѣтить и разыскать насъ; но порученіе это не было исполнено лишь по свойственной азіятцамъ безпечности проводника, полагавшаго, что арбакеши и сами выберутся на надлежащую дорогу.

II.

Отъ Хивы къ Аральскому морю.

Въ ночь на 1-е августа, баронъ Каульбарсъ отправилъ впередъ съ пятью казаками наши выюки, съ тѣмъ расчетомъ, что мы, вы-

ступивъ на другой день раннимъ утромъ на рысяхъ, успѣемъ ихъ догнать и придемъ одновременно въ городокъ Ханки, гдѣ предполагалось сѣсть на лодки для дальнѣйшаго движенія къ устью рѣки Аму.

Утромъ, 1-го августа, баронъ Каульбарсъ, я, топографъ Рудневъ и три офицера, отправлявшіеся въ Россію, въ сопровожденіи нѣсколькихъ проводниковъ и одного казака переводчика, двинулись изъ русскаго лагеря подъ Хивой по дорогѣ въ городъ Ханки. Сады, рисовыя и пшеничныя поля, хлопокъ, разсаженный подобно нашему картофелю, и дыни, тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги. Арыки, усаженные тополями, тутовыми и таловыми деревьями, или тянулись параллельно дорогѣ, или пересѣкали ее и, перекрещиваясь между собою, разносили по всѣмъ направленіямъ аму-дарьинскую воду, настолько необходимую въ здѣшней мѣстности, что безъ искусственнаго орошенія здѣсь ничего не растетъ, кромѣ колючаго кустарника, изъ котораго туземцы готовятъ кунжутное масло. Этотъ кустарникъ, съ которымъ можетъ ладить только неприхотливый желудокъ верблюда, растетъ здѣсь безъ труда и заботы со стороны человѣка, не требуя ни искусственнаго орошенія, ни приготовленной почвы; наносный песокъ и заброшенный или невоздѣланный назѣмъ одинаково хороши для него. Все прочее растетъ лишь при заботливомъ уходѣ человѣка, и только за упорный трудъ вознаграждаетъ обильными плодами.

И надо сказать правду: туземцы съ большимъ искусствомъ покрыли всѣ берега Аму-дарьи, отъ песковъ туркменскихъ на западѣ до Кызылъ-кумовъ на востокѣ, сѣтью каналовъ и канальцевъ съ водоподъемными черпательными машинами и съ маленькими резервуарами, почти при каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ; вѣковымъ, упорнымъ трудомъ обратили они берега Аму въ сплошные сады и зеленѣющія поля. Видѣлъ я виноградники сѣвернаго берега Женевского озера и южной Франціи, видѣлъ и въ другихъ уголкахъ Европы искусно воздѣланную почву, но такого поражающаго впечатлѣнія, какое произвело на меня земледѣліе хивинскаго оазиса, я ни откуда не вынесъ. Быть можетъ, на это повліялъ и контрастъ оазиса съ окружающими песками... А пески эти, слѣдуя за вѣтрами, врываются съ разныхъ сторонъ въ воздѣланный оазисъ и пестрятъ его песчаными лужайками, расположенными самымъ неправильнымъ узоромъ. На этихъ лужайкахъ поднимаются песчаные холмы, высотой отъ 5 до 20 футовъ, по формѣ близкіе къ тетраэдрамъ; они удлинены въ одну и ту же сторону и вытянуты параллельно одинъ другому, почти въ

шахматномъ порядкѣ. И не одиѣ силы природы вырывали здѣсь клочки воздѣланной почвы изъ рукъ хивинскаго населенія. Хищническіе набѣги сосѣднихъ туркменовъ уничтожали не рѣдко огнемъ и мечомъ цѣлыя поселенія. По дорогѣ въ Ханки и по другимъ направленіямъ встрѣчаются иногда глиняныя зубчатые стѣны съ буграми внутри ограды, поросшими сорными растеніями, и съ сухими каналами внѣ ограды. Преданія говорятъ, что на подобныхъ мѣстахъ нѣкогда было или селеніе, или городокъ, и что туркмены разорили его до тла съ такимъ звѣрствомъ, что потомъ мирные землевладѣльцы уже боялись вновь заселять злополучное мѣсто.

Однако, не смотря на встрѣчающіяся иногда песчаные, холмистыя поляны и разоренные опустѣлые полосы и клочки, въ общемъ дорога до Ханки оставляетъ впечатлѣніе зеленѣющаго сада. По обѣимъ сторонамъ дороги тамъ и сямъ виднѣются, обнесенныя высокими, глиняными зубчатыми стѣнами, жилища земледѣльцевъ. Темная зелень карагачей и тутовыхъ деревьевъ, усаженныхъ обыкновенно вокругъ водянаго резервуара, составляющаго здѣсь необходимѣйшую принадлежность и домашняго, и полевого хозяйства, издали указываетъ на жилое мѣсто; зелень же персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, посаженныхъ вблизи жилья, и болѣе свѣтлая зелень серебристаго тополя и таловъ, посаженныхъ по берегамъ каналовъ, идутъ во всѣхъ направленіяхъ отъ жилья и дополняютъ ласкающую взоръ картину.

По такой-то мѣстности, мы, маленькою рысцей и по сильной жарѣ, дошли часамъ къ тремъ по полудни до города Ханки.

Ханки лежитъ верстахъ въ трехъ отъ лѣваго берега Аму при большомъ каналѣ, который идетъ отъ города Казавата мимо города Кошъ-купыра, и при Ханкахъ соединяется съ другимъ каналомъ, параллельнымъ лѣвому берегу Аму, идущимъ въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ послѣдняго. Наружность города одинакова съ прочими хивинскими городами. Центральная, болѣе древняя часть города обнесена высокою, глиняною зубчатою стѣною, безъ рва, но съ массивными деревянными воротами. Въѣзжая въ городъ по дорогѣ изъ Хивы, встрѣчаешь, прежде всего, площадку, окруженную пустыми лавками. На этой площадкѣ собираются въ базарный день окрестные жители, и лавки наполняются всевозможнымъ привознымъ товаромъ: дынями, разными по времени года плодами, виноградомъ, лукомъ, морковью, ячменемъ и мясомъ. На площади тогда толпятся ослы и верблюды, навьюченные камышомъ, углемъ, саксауломъ (для топлива), клеверомъ и т. п. Направо отъ этой площадки начинается крытая

улица, обставленная лавками. Тутъ продаются хивинскія, конусообразныя шапки изъ мерлушки и киргизскія—изъ лисьяго или бараньяго мѣха и войлочные. Рядомъ торгуютъ халатами, чепанами (верхняя одежда въ родѣ армяка), шараварами, одѣялами и разными принадлежностями одежды. Особенно же важны лавки, торгующія зеленымъ бухарскимъ чаемъ, русскимъ и китайскимъ (въ кристалахъ) сахаромъ, изюмомъ и сладостями. Фисташки въ сахарѣ, вязкое тѣсто изъ меду, сахара, яичныхъ бѣлковъ и разныхъ сладостей, миндаль и грецкіе орѣхи, обваленные въ мукъ съ сахаромъ, составляютъ, не исключая и сушеныхъ винограда и урюка (абрикосъ), любимое лакомство туземцевъ. Въ чайхане—это туземные кафе-рестораны и трактиры—съ ранняго утра средне-азіатцы угощаются чаемъ, лепешками, пельменями и кальяномъ (*). Къ препровожденію времени за чаемъ и бесѣдѣ въ чайхане средне-азіатцы особенно склонны; это ихъ клубы. По вечерамъ тамъ же импровизируется балетъ, въ которомъ роль балеринъ исполняютъ мальчики въ женскихъ костюмахъ съ привязанными косами, выплясывающіе подъ звуки бубенъ и монотонный припѣвъ, по временамъ прерываемый дикими и неистовыми возгласами.

Довольно длинная крытая улица, съ лавками по обѣимъ сторонамъ, свидѣтельствуешь о томъ, что Ханки ведетъ не малую торговлю. Въ Ханкахъ живетъ бій — родовой начальникъ и владѣтельный князь, власть котораго, впрочемъ, совершенно стѣсняется передъ неограниченностью власти ханской и хивинскихъ главныхъ сановниковъ.

Въ одномъ изъ переулковъ, влѣво отъ базарной площадки въ Ханкахъ, есть нѣсколько кузницъ, выдѣлывающихъ кетмени (замѣняющіе заступы), подковы, ножи, гвозди и т. п. Есть еще войлочные и коженныя лавки, мельницы и маслобойни.

Наши выюки пришли раньше насъ, и мы, утоливъ голодъ у любезно пригласившаго насъ командира 4-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, который въ то время стоялъ близъ города Ханки для прикрытія сообщеній съ правымъ берегомъ Аму, къ вечеру отправились на берегъ рѣки къ переправѣ, къ тому мѣсту, гдѣ уже были для насъ приготовлены, по приказанію хана, каюки — туземныя лодки. Рѣка въ этомъ мѣстѣ, нѣсколько шаговъ выше впаденія широкаго и довольно глубокаго арыка, отдѣляющагося отъ Аму верстъ 30 южнѣе, противъ урочища Акъ-камышъ, представляетъ расширеніе сво-

(*) Кальянъ готовятъ изъ грушеобразной тыквы, наполняемой водою; въ тыкву вставляютъ сбоку чубукъ, а сверху деревянную воронку, накладываемую табакомъ и раскаленными угольками.

его русла, на половину заполняемое двумя островами. Еще до прихода русскихъ, туземцы имѣли тутъ переправу на своихъ неповоротливыхъ каюкахъ. Русскіе тоже устроили здѣсь переправу на тѣхъ же каюкахъ, но съ перегрузкой на островъ, т. е. тяжести, прибывъ къ острову, волокомъ шли чрезъ него и грузились на другой каюкъ, доставлявшій кладъ и людей уже на противоположный берегъ. При небольшомъ числѣ лодокъ это ускоряло переправу.

Не смотря на строжайшіе ханскіе указы, лодки для насъ не были еще вполне готовы; къ тому же надо было озаботиться доставкою изъ города Ханки кое-какихъ жизненныхъ припасовъ, а главное фуража, такъ какъ мы, отправляясь въ неизвѣстный край, должны были везти съ собою лошадей, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, двигаться не только по водѣ, но и по сушѣ. Много прошло времени въ этихъ хлопотахъ. Въ темнотѣ уже собрали мы наши запасы и каюки и начали нагрузку, рассчитывая тронуться съ разсвѣтомъ внизъ по Аму. Особенно много возни было съ лошадьми, изъ которыхъ нѣкоторыя ни за что не хотѣли прыгать съ берега въ лодку, а мостковъ или сходней у насъ, конечно, не имѣлось. Наконецъ, за часъ до солнечнаго восхода все было окончено и каюки тронулись.

Въ одномъ каюкѣ помѣстились баронъ Каульбарсъ, я, три другіе офицера, одинъ казакъ и человѣкъ шесть туземцевъ для управленія судномъ. Въ двухъ другихъ каюкахъ плыли лошади, какъ наши, такъ и нашихъ казаковъ и проводниковъ. На маленькой туземной же лодкѣ отправился впередъ топографъ Рудневъ, съ двумя казаками и двумя туземцами, для глазомѣрной съемки рѣки и для промѣровъ. Баронъ Каульбарсъ обыкновенно садился туда же и работалъ весломъ, футштокомъ или лагомъ.

Большіе аму-дарьинскіе каюки имѣютъ длины сажень около пяти, а ширины сажени $2\frac{1}{2}$. Очертаніемъ своимъ носовая часть ихъ нисколько не отличается отъ кормовой. Руля у нихъ нѣтъ. Два узбека съ шестами, стоя на кормовой и на носовой частяхъ, гребутъ съ той или другой стороны судна, смотря по надобности, а при небольшой глубинѣ упираются этими шестами въ дно и тѣмъ кое-какъ даютъ судну желаемое направленіе. Нерѣдко въ быстринахъ судно не оказываетъ должнаго послушанія и пристаётъ къ берегу къ великому огорченію рулевыхъ. Веселъ, на подобіе нашихъ, съ лопастями для большаго упора на воду, тоже не имѣется. И при такомъ-то состояніи судостроенія и судоходства хивинцы вели по рѣкѣ Аму торгъ съ Бухарой, а чрезъ Бухару съ Китаемъ и Индіей, не говоря

уже о томъ, что по Аральскому морю дѣлали нерѣдко хищническіе набѣги и въ наши предѣлы. Употребленія паруса я у нихъ не видалъ, но бичева въ большомъ ходу. Въ большихъ каюкахъ въ кормовой части устраивается у нихъ обыкновенно глиняный очагъ, на которомъ туземцы-пловцы пекутъ въ чугунномъ котлѣ свои прѣсныя пшеничныя лепешки и варятъ изъ риса пилавъ, любимѣйшее ихъ блюдо. При быстромъ теченіи Аму, отъ трехъ до четырехъ верстъ въ часъ, каюки, слѣдуя по теченію (безъ особаго напряженія со стороны гребцовъ), проходятъ въ день отъ 50 до 70 верстъ. Дѣло другое, когда приходится подниматься вверхъ по рѣкѣ. Тогда изъ лодки выбрасываютъ веревку, одинъ конецъ которой привязываютъ къ шесту, установленному на подобіе мачты, а за другой тянутъ четыре или пять человѣкъ бывшихъ гребцовъ, и въ такомъ случаѣ лодка не подается болѣе одной или полуторы версты въ часъ, смотря по свойству береговъ.

Вода Аму-дарьи мутна до того, что зачерпнутая въ стаканъ даетъ порядочный слой осадка, раньше чѣмъ успѣешь допить стаканъ. Аму несетъ въ своихъ волнахъ громадное количество ила, а потому образуетъ въ своемъ среднемъ теченіи множество острововъ противъ городовъ: Питняка, Хазаръ-Аспа, Ханки, Ургенча, Гурлена и противъ истока Лаудана, и капризно, чуть ли не нѣсколько разъ въ сутки, мѣняетъ фарватеръ. Отъ Питняка до Гурлена, на протяженіи слишкомъ ста верстъ, изъ Аму выходитъ вправо и влево множество большихъ искусственныхъ каналовъ, которые разносятъ далеко за предѣлы ханства аму-дарьинскую воду, и наконецъ, теряются въ окрестныхъ пескахъ. Всѣ арыки, идущіе влево, имѣютъ направленіе на западъ или сѣверо-западъ. Между Ургенчемъ и Гурленомъ выходитъ протокъ Дарьялыкъ, который направляется сначала на сѣверо-западъ, поворачиваетъ потомъ около города Куна-Ургенча прямо на западъ и, пройдя еще слишкомъ 100 верстъ, мѣняетъ снова свое направленіе на юго-западное, вплоть до озера Сары-камышъ. Вода въ этомъ Дарьялыкѣ встрѣчается за Куна-Ургенчемъ только въ видѣ лужъ и маленькихъ озеръ; можно полагать, что нынѣ уже высохшее русло это есть одинъ изъ многихъ рукавовъ, по которымъ прежде воды рѣки Аму уносились въ глубь западныхъ степей, а быть можетъ доходили и до Каспія. Большая часть арыковъ, выходящихъ справа рѣки Аму, имѣетъ направленіе на сѣверъ и орошаетъ довольно узкую полосу земли, верстъ въ 10 или 12, почти параллельную теченію Аму.

Слишкомъ за два мѣсяца передъ тѣмъ я прошелъ съ Туркестан-

скимъ отрядомъ часть Аму отъ Учъ-учака до Шейхъ-арыка, а въ іюнѣ съ кавалеріею того же отряда прошелъ отъ Шейхъ-арыка до города Ханки; поэтому, для большей полноты обзора долины Аму-дарьи, скажу нѣсколько словъ и о берегахъ этой рѣки, начиная съ Учъ-учака.

Тамъ, гдѣ Туркестанскій отрядъ въ первый разъ увидѣлъ мутныя воды Аму, не вдалекѣ отъ праваго берега ея, тянется версты на четыре, съ юга на сѣверъ, котловинообразное углубленіе, съ возвышенными берегами; съ виду углубленіе это весьма похоже на высохшее озеро и представляетъ издали на горизонтѣ три возвышенія (своихъ береговъ), что, конечно, и послужило для туземцевъ основаніемъ прозвать это мѣсто «Учъ-учакъ» (*учъ*, въ переводѣ три). Правый берегъ, начиная отъ этого мѣста и верстъ на 40 внизъ по теченію, представляетъ часто крутизны, а иногда и обрывы сажень до 10-ти высотой. Въ этихъ обрывахъ мнѣ тогда же удалось найти нѣсколько видовъ окаменѣлостей, относящихся къ третичной или мѣловой формаціи (*). Лѣвый берегъ до Питняка (не доходя до послѣдняго верстъ на восемь) также представляетъ небольшія терасообразныя крутости, которыя то подходятъ вплоть къ водѣ, то удаляются отъ нея верстъ на семь и на десять.

Селеній до Питняка нѣтъ вовсе, хотя покрытые камышомъ и солодкою (солодковый корень) берега и острова представляютъ не мало удобствъ для скотоводства. Встрѣчаются здѣсь только отдѣльныя кибитки каракалпаковъ, а изъ посѣвовъ, очень рѣдко и въ ничтожныхъ размѣрахъ, клѣчки клевера и джугары. Далѣе оба берега Аму низменны и, за исключеніемъ небольшихъ пространствъ, покрытыхъ камышомъ, или мелкимъ кустарникомъ, воздѣланы. Отдѣльныя жилища разбросаны разнообразно и подходятъ иногда къ самой водѣ. Но городки, за исключеніемъ Кипчака и Кунграда и селенія Нукуса, а также другихъ, лежащихъ противъ города Ходжейли, всѣ сторонятся версты на три или на пять отъ Аму и выстраиваются на выходящихъ изъ нея каналахъ. Такъ расположены по лѣвому берегу: Питнякъ, Ханки, Ургенчъ, Гурленъ, Мангытъ (въ семи верстахъ) и Ходжейли; по правому берегу: Шураханъ и Шахъ-Абасъ-вали, не говоря уже объ укрѣпленіи Петро-Александровскомъ, выстроенномъ нашими войсками

(*) Эти экземпляры, представленные мною генералъ-адъютанту фонъ Кауфману, были переданы его высокопревосходительствомъ въ общество любителей естествознанія въ Москвѣ. Въ послѣдствіи, уже въ настоящемъ 1874 году, я видѣлъ въ Петербургѣ окаменѣлости, найденныя въ другихъ частяхъ аму-дарьинскаго бассейна, а также по старому, сухому руслу Аму; всѣ онѣ принадлежатъ также къ третичной формаціи.

въ 1873 году. Вѣроятно, низменность береговъ при значительной водополи и слишкомъ влажная почва вблизи Аму заставляютъ население скучиваться въ сторонѣ отъ важной и единственной артеріи хивинскаго оазиса.

Острова, разбросанные по Аму, какъ наносные, совершенно низменны и покрыты густымъ камышомъ. Они служатъ прекраснымъ пастбищемъ. По обоимъ берегамъ Аму воздѣлываются: рисъ, пшеница, джугара, ячмень, просо, хлопокъ, а изъ овощей громадное количество дынь, морковь и лукъ. Сады встрѣчаются на обоихъ берегахъ, но болѣе на лѣвомъ. Послѣдній, до города Гурлена, населенъ преимущественно земледѣльцами узбеками; на правомъ же берегу много полуосѣдлыхъ каракалпаковъ и кочующихъ киргизовъ. Далѣе къ сѣверу и по лѣвому берегу тянутся отдѣльные кибитки и аулы каракалпаковъ и киргизовъ. Ниже Гурлена, почти противъ города Мангыта, подходятъ къ правому берегу верстъ на шесть горы Шейхъ-Джейли. По самому правому берегу, почти до селенія Нукуса, тянутся незначительныя возвышенности (Шелпакъ), а лѣвый берегъ совершенно низменъ и лишь изрѣдка на немъ видны песчаные холмики. Около Кипчака, ближе къ лѣвому берегу, есть маленькіе пороги, слегка замѣтные даже въ началѣ августа, во время полной воды. Кипчакъ своими строеніями подходитъ вплоть къ водѣ, другихъ же городковъ съ воды не видно, и о близости ихъ можно заключить лишь по густой зелени садовъ.

Не доходя Ходжейли отдѣляется отъ Аму влѣво, на сѣверо-западъ, протокъ Лауданъ, по которому аму-дарьинская вода доходила до извѣстнаго на прежнихъ картахъ залива Айбугирскаго, нынѣ представляющаго частью поросшее камышомъ болото, а частью высохшіе солончаки.

Все пространство отъ Ханки до истока Лаудана, верстъ около 130, пройдено нами въ два дня. Съ 1-го на 2-е августа мы имѣли ночлегъ на островѣ, со 2-го на 3-е число—у истока Лаудана; обыкновенно мы трогались въ путь съ восходомъ солнца, а останавливались на закатѣ. 3-го августа, часамъ къ 9-ти утра, мы пристали у истока Куваншъ-джармы къ низкому острову, густо поросшему камышомъ и кустарникомъ. Здѣсь штабсъ-капитанъ С. и я наблюдали соотвѣтствующія и меридіональныя высоты солнца, а баронъ Каульбарсъ занялся съ топографомъ Рудневымъ промѣрами, а потомъ всѣ вмѣстѣ опредѣляли быстроту теченія Куваншъ-джармы и профиль ея русла. Часа въ три или четыре послѣ полудня двинулись мы на сѣверо-востокъ, внизъ по теченію Куваншъ-джармы.

Отъ Гурлена до Ходжейли Аму течетъ однимъ русломъ; только одинъ Лауданъ отходитъ отъ нея влѣво. Пройдя же Ходжейли, Аму развѣтвляется на много рукавовъ, изъ которыхъ самый восточный, Куваншъ-джарма, течетъ въ низкихъ, болотистыхъ и большею частію покрытыхъ камышомъ берегахъ до небольшихъ возвышенностей Бель-тау и Бирючи; тамъ воды Куваншъ-джармы, развѣтвляющейся, въ свою очередь, на Караколъ, Пурханъ, Узякъ и другіе протоки, образуютъ озера Кунградъ и Кара-терень, извѣстныя также подъ общимъ названіемъ прилежащаго урочища Дау-кара.

Аму-дарья при Шейхъ-арыкѣ имѣетъ около версты ширины, при г. Ханки около $2\frac{1}{2}$ верстъ, при г. Ходжейли нѣсколько менѣе версты; вообще она течетъ широкимъ русломъ, съ частыми расширеніями, наполненными островами, и отличается извилистымъ перемѣнчивымъ фарватеромъ и обиліемъ мелей.

Куваншъ-джарма, въ которую мы вступили 3-го августа, вытекаетъ изъ Аму двумя рукавами, между которыми и лежитъ тотъ низкій островъ, о которомъ я упомянулъ выше; ширина каждаго изъ рукавовъ около 70-ти сажень; болѣе южный представлялъ и въ августѣ въ одномъ мѣстѣ быстрину, въ родѣ незначительнаго порога. Два рукава Куваншъ-джармы сходятся далѣе за островомъ въ одинъ протокъ и узкимъ, иногда въ 30 сажень, извилистымъ, но глубокимъ русломъ несутъ не мало воды къ урочищу Дау-кара. Влѣво изъ Куваншъ-джармы выходятъ нѣсколько боковыхъ протоковъ, которые идутъ къ селенію Чимбай и вообще соединяются съ цѣлою системою протоковъ, покрывающихъ сѣткой всю мѣстность къ сѣверу отъ Ходжейли. Эти протоки, между которыми главнѣйшіе, кромѣ Куваншъ-джармы, Чертамъ-бай, Пшанъ, Тилля-бай и Чимбай-узякъ, въ половодье наводняютъ все пространство къ сѣверу отъ Ходжейли до 43° сѣверной широты и даже разливаются нѣсколько и за эту паралель.

Здѣсь царство камышей и комаровъ. Еще въ Кипчакѣ мы запаслись, по примѣру туземцевъ, пологами, сшитыми изъ бумажной бѣлой ткани (мата). На ночь туземцы-рыбаки (по этимъ протокамъ осѣдлаго населенія не встрѣчается; сюда лишь изрѣдка прикочевываютъ киргизы изъ Кызыль-кумовъ, да пріѣзжаютъ рыбаки) втыкаютъ во влажную почву четыре шеста и на нихъ вѣшаютъ пологъ такъ, чтобы онъ касался земли. Подъ этотъ кровъ осторожно пролѣзаютъ желающіе отдохнуть и засыпаютъ подъ пронзительное жужжаніе безчисленнаго множества голодныхъ насѣкомыхъ. Для домашнихъ животныхъ тамъ разводятъ огонь, въ который бросаютъ сырые

корни, вѣтви саксаула, траву и т. п. для полученія возможно большаго количества дыма, къ которому и тѣснятся бѣдныя животныя, спасаясь отъ комаровъ-вампировъ, съ рискомъ задохнуться и опалиться. Я самъ видѣлъ, какъ лошади становились копытами на горячіе уголья и катались въ горячей золѣ. Человѣкъ безъ искусственнаго крова не можетъ здѣсь бороться съ комарами. По желанію барона Каульбарса я, въ ночь съ 4-го на 5-е августа, производилъ опредѣленіе широты и времени и, не смотря на прикрытіе въ образѣ сибирскаго казака, едва не былъ сбитъ съ позиціи многочисленнымъ и предприимчивымъ крылатымъ непріателемъ.

Выступивъ по Куваншъ-джармъ 3-го августа послѣ полудня и пройдя верстъ 15, мы на закатѣ причалили къ берегу для ночлега. Комары и низкій, почти въ уровень съ (августовскою) водою берегъ, заросшій камышомъ, вотъ все, что мы тутъ нашли. Нигдѣ не было видно по берегамъ кибитокъ, хотя изрѣдка попадавшіеся запасы сучьевъ и вѣтвей саксаула указывали на то, что кочевники и сюда заглядываютъ, конечно, не во время разлива и водополи. Слѣдующій день мы встрѣчали все тѣ же извилистые, низкіе берега, а ночлегъ съ 4-го на 5-е августа имѣли при урочищѣ Ташармасъ-агасы. Не смотря на то, что по вечерамъ термометръ Реомюра показывалъ иногда слишкомъ $+20^{\circ}$, по утрамъ становилось свѣжо, и сильная роса покрывала наши пологи. И воздухъ, и почва были весьма влажны. Къ вечеру 5-го числа мы остановились на урочищѣ Мескинъ-ата, верстахъ въ 30 отъ озера Кунградъ, а съ 6-го на 7-е ночевали уже на протокѣ Караколъ, одномъ изъ рукавовъ Куваншъ-джармы, которымъ она несетъ свои воды въ названное озеро. Здѣсь три офицера, отправлявшіеся въ Россію, разстались съ нами, имѣя въ виду направиться сухимъ путемъ къ Казалинску, чрезъ Иркибай. Мы сократили число нашихъ лодокъ до двухъ, запаслись ячменемъ и баранами, доставленными по распоряженію барона Каульбарса біемъ окрестнаго населенія, и утромъ 7-го двинулись въ озеро Кунградъ.

Берега протока Каракола не такъ низки, какъ берега Куваншъ-джармы, частью песчаны и своими пастбищами издавна привлекаютъ киргизовъ, такъ что близъ озера разбросано вправо отъ Каракола значительное число ауловъ и тутъ же живетъ ихъ родовой начальникъ—бій. На эту мѣстность, до которой и прежде (кажется, въ пятидесятихъ годахъ) уже доходили русскіе рекогносцировочныя отряды со стороны форта № 1-го, на Сыръ-дарьѣ, было обращено въ 1873 г. не малое вниманіе хивинскаго правительства, построившаго здѣсь, близъ устья Каракола, крѣпостцу, на 300 или 400 человѣкъ

гарнизона. Крѣпостца эта имѣетъ форму четырехугольнаго редута съ глиняными стѣнками; были, кажется, и двѣ пушки. Неподалеку имѣется еще прежней постройки подобная же крѣпостца, Клычъ-кала. Какъ извѣстно, крѣпостцы эти увидали русскихъ только уже послѣ занятія Хивы, вѣроятно, къ немалому удовольствію ихъ гарнизона, набраннаго изъ окрестныхъ жителей. Когда мы проходили онѣ были совершенно пусты.

На Караколѣ есть слѣды воздѣлыванія земли, хотя весьма ничтожныя. Такъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу я видѣлъ клочокъ клеверу, а въ другомъ—дыни. Надо думать, что на берега Каракола киргизы прикочевываютъ лишь въ то время, когда въ окружающихъ степяхъ начинается въ лѣтніе жары недостатокъ воды. Впрочемъ, киргизы вообще не охотники до земледѣлія.

7-го августа, утромъ, часовъ въ восемь, мы остановились на берегу озера Кунградъ. Мелкій кустарникъ, саксаулъ, покрывалъ лѣвый берегъ. Разливъ воды образовалъ на немъ прихотливаго очертанія острова и мысы, богатые разною дичью. Баронъ Каульбарсъ въ нѣсколько минутъ убилъ трехъ фазановъ и одного зайца, ростомъ вдвое меньше обыкновеннаго; не знаю, порода ли это такая или это былъ молодой экземпляръ. Что же касается до фазановъ, то ихъ здѣсь множество вездѣ, какъ на Аму-дарьѣ, такъ и на ея рукавахъ, тамъ гдѣ есть какой нибудь кустарникъ. На зарѣ, утромъ, съ лодокъ мы часто слышали ихъ своеобразное перекликиваніе. Кромѣ того мы видѣли здѣсь, хотя намъ и не удалось ихъ подстрѣлить, множество утокъ, гусей и разнаго сорта куликовъ, наконецъ, цѣлыя стада чакъ и бабы-птицы. Последнюю одному изъ нашихъ казаковъ удалось подстрѣлить пулею издали; въ зобу ея было найдено много плотвы и всякой рыбы. Растяжимую, какъ гуттаперча, желтую перепонку зоба съ громаднымъ плоскимъ клювомъ баронъ Каульбарсъ сохранилъ, а мясо сине-краснаго цвѣта мы зажарили, но оно оказалось довольно жестко и съ запахомъ растительнаго (льнаго) масла, почему и не удовлетворило нашихъ ожиданій. Бѣлое перо и множество бѣлаго пуха едва ли не составляютъ единственную добычу челоуѣка отъ этой птицы, пожирающей громадное количество рыбы.

Въ Аму-дарьѣ водится, какъ я самъ видѣлъ, много разнообразныхъ видовъ рыбъ. Такъ, напримѣръ: шипы, похожіе на волжскихъ осетровъ, длиною доходятъ до семи футовъ, сазаны съ золотисто-изкрасна или буроватою чешуею, весьма жирная и мясистая красная рыба, наконецъ судакъ, лещъ, щука, сомъ, плотва, голавль и однажды, въ озерѣ Кара-терень, намъ удалось поймать рыбку, очень

похожую на нашего окуня. Въ отрядѣ я слыхалъ отъ любителей-рыболововъ, что окуней въ Аму нѣтъ, за то встрѣчали оригинальную рыбку со стерляжьей головкой и длиннымъ нитеобразнымъ хвостомъ. Подъ Хивой рыбы вообще мало; на рынкахъ города Хивы ее вовсе не встрѣчается. Подвигаясь внизъ по Аму, мы изрѣдка встрѣчали рыбаковъ, но богатыхъ улововъ такихъ, какъ на Улькунъ-дарьѣ и на южныхъ берегахъ Аральскаго моря, у устья Яны-су, до Ходжейли я нигдѣ не видалъ. На Куваншъ-джармѣ рыбаковъ встрѣчали очень рѣдко; ауловъ же вовсе не видали.

Близъ устья Каракола мы простояли до 8-го августа, ожидая сбора нанятыхъ нами верблюдовъ, которыхъ баронъ Каульбарсъ желалъ отправить при себѣ къ устью Яны-су для того, чтобы, спустившись на лодкахъ по этому рукаву въ Аральское море, двинуться оттуда сухимъ прямымъ путемъ на Улькунъ-дарью, къ мѣсту стоянки двухъ нашихъ военныхъ пароходовъ. Пускаться въ дальнее плаваніе по морю на утлыхъ каюкахъ съ неискусными туземными матросами, очевидно, было неудобно. Къ тому же успѣхъ осмотра дельты Аму выигрывалъ отъ того, что намъ предстояло пересѣчь ее по діагонали отъ Яны-су до изгиба Улькунъ-дарьи.

Къ 8-му августу пришли верблюды, и мы тронулись въ озеро прямо на сѣверъ, по направленію къ горѣ Бирючи. Камыши на востокѣ и западѣ скрадываютъ очертаніе береговъ озера Кунграда; южный же берегъ при впаденіи Каракола открытъ, песчанъ и усѣянъ мелкимъ саксауломъ. На сѣверѣ поднимались изъ воды крутые, трудно восходимые, склоны Бирючи. Около полудня 8-го мы пристали къ этому крутому берегу. Множество стрѣльчатыхъ кристалловъ гипса частью выставлялись на поверхности склоновъ, частью покрывали берегъ на вершинѣ и у подошвы покатости. Вся гора Бирючи изъ гипса. Болѣе пологіе склоны ея далѣе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ переходятъ въ холмы. Возвышенности на сѣверо-востокѣ отъ озера Кунграда и Кара-тереня носятъ названіе Бель-тау, а самыя озера, какъ сказано выше—общее имя урочища—Дау-кара.

Баронъ Каульбарсъ, передавъ свои распоряженія верблюдовожатымъ, сѣлъ въ маленькую лодку съ топографомъ Рудневымъ и занялся снимъ промѣрами и глазомѣрною съемкою прохода въ смежное озеро Кара-терень. Съ двумя большими лодками я, при противномъ вѣтрѣ, съ трудомъ прошелъ изъ озера Кунграда между камышами въ озеро Кара-терень и повсюду встрѣчалъ незначительную глубину трехъ или четырехъ футовъ. Баронъ Каульбарсъ, на маленькой лодкѣ, нашелъ, впрочемъ, ближе къ берегу болѣе глубокій проходъ.

Противный вѣтеръ задержалъ насъ у восточнаго берега до заката солнца. Какъ только онъ стихъ, мы тронулись по указанію вожака поперекъ озера къ его истоку, рассчитывая, по опыту предшествовавшихъ дней, на совершенное затишье. Верстахъ въ пятнадцати или двадцати виднѣлась зелень, которую мы было приняли за берегъ, но послѣ оказалось, что это былъ густой камышъ, растущій на глубинѣ отъ 7 до 12 футовъ, и поднимающійся на 5 или на 7 футовъ надъ водою. Такой камышъ, отдѣльными зелеными островами и цѣлыми поясами, наполняетъ разныя части озера. Около одиннадцати часовъ вечера подулъ сильный вѣтеръ, а темнота отъ надвинувшихся тучъ скрыла всѣ контуры. Качка становилась довольно чувствительною, что было особенно опасно для каюка съ лошадьми. Скоро вѣтромъ занесло насъ въ поясъ камышей, гдѣ мы совсѣмъ потеряли направленіе нашего пути и простояли до утра. Камышъ защищалъ насъ отъ вѣтра и не допускалъ до нашихъ жалкихъ каюковъ разгуливанія на озерѣ волны; мы стояли здѣсь, какъ въ бухтѣ. Къ утру вѣтеръ стихъ, и солнце подарило насъ очаровательнымъ восходомъ. Проголодавшись ночью, мы, прежде всего, рѣшили устроить для себя, для казаковъ и нашихъ матросовъ-туземцевъ чай на каюкахъ, а затѣмъ уже я и баронъ Каульбарсъ должны были, поочереді, отправиться разыскивать выхода изъ этого лѣса камышей.

Пока кипятили въ чайникахъ (на каюкахъ мы плавали съ запасомъ саксаула для варки пищи) чистую прозрачную воду, зачерпнутую съ лодки, кто-то изъ насъ замѣтилъ множество рыбы, разгуливавшей подъ нашими каюками. Мутная аму-дарьинская вода, отстоявшись въ этихъ озерахъ, на столько прозрачна, что на глубинѣ 10—12 футовъ хорошо было видно и песчаное дно, и все подводное населеніе. Въ одну минуту приготовили мы изъ булавокъ крючки и, насадивъ маленькіе кусочки баранины, закинули импровизованныя удочки. Рыба жадно клевала, и въ нѣсколько минутъ мы вытащили достаточное ея количество на уху. Тутъ-то удалось поймать и рыбку, похожую на окуня. Нерѣдко, впрочемъ, крупные экземпляры уходили гулять по озеру съ крючкомъ, оборвавъ непрочную нить.

Часовъ до девяти проискали мы прохода, наконецъ убѣдились, что мы недалеко отъ острова Манатая, вблизи истока изъ озера Каратереня, но, чтобы пробраться къ острову, надобно было нѣсколько десятковъ сажень пройти чрезъ густые камыши. Съ большимъ трудомъ, хватаясь руками за крѣпкіе стебли камыша, дѣйствуя шестами и веслами, мы, къ полудню 9-го августа (термометръ Р. $+25^{\circ}$), пристали къ острову Манатаю. Здѣсь мы отдохнули, и 10-го числа,

рано утромъ, вошли въ протокъ Кукъ, выходящій изъ Кара-тереня и впадающій въ рѣку Яны-су.

Скоро протокомъ Кукъ мы вступили въ Яны-су, русло которой болѣе широкое и менѣе извилистое, чѣмъ у Куваншъ-джармы, съ берегами частью песчаными и холмистыми, покрытыми саксауломъ, частью же годными для земледѣлія, представляло болѣе удобствъ для плаванія. По обоимъ берегамъ разбросаны отдѣльные кибитки каракалпаковъ и цѣлые аулы. Встрѣчаются посѣвы, хотя строеній нигдѣ не видно. Вѣроятно, каракалпаки ведутъ жизнь полукочевую, полуосѣдлую; у нихъ есть излюбленныя мѣстности, гдѣ они дѣлаютъ свои посѣвы и зимуютъ, а по уборкѣ хлѣба откочевываютъ куда нибудь въ сторону, гдѣ привольнѣе ихъ стадамъ. Да и въ лѣтнюю рабочую пору земледѣліе у каракалпаковъ лежитъ, какъ кажется, на обязанности старухъ-женщинъ и рабовъ или слугъ. Въ большинствѣ ауловъ, въ которые мы заходили для покупки провіанта и фуража, мнѣ бросились въ глаза непропорціональность числа возмужалыхъ и бодрыхъ мужчинъ къ числу стариковъ и старухъ, равно и отсутствіе, въ большинствѣ случаевъ, стадъ, которыя, судя по образу ихъ жизни, должны были быть значительны. Надо полагать, что часть населенія встрѣчавшихся намъ на берегахъ Яны-су ауловъ кочевала въ то время гдѣ нибудь въ сторонѣ съ своими стадами.

Изъ предметовъ воздѣлыванія особенно многочисленны здѣсь дыни. Почти при каждой кибиткѣ, на солнцѣ, на шестахъ и веревкахъ, развѣшаны продолговатые ломтики сочныхъ и сахаристыхъ дынь, — это запасъ на зиму. Въ аулахъ неохотно намъ продавали барановъ и, въ особенности, жалѣли разстаться даже съ небольшимъ количествомъ пшеничной муки, весьма грубой отдѣлки; за то въ дыняхъ у насъ не было недостатка. Около Хивы дыни разнообразны чуть ли не до безконечности, и многіе сорта ихъ отличаются пріятнымъ вкусомъ и сильнымъ ароматомъ. Чѣмъ болѣе подавались мы къ сѣверу, тѣмъ сорта становились менѣе разнообразны, и качества дынь быстро ухудшались, такъ что на Яны-су мы встрѣчали лишь длинныя, продолговатыя дыни, съ зеленой кожицей и бѣлымъ мясомъ, довольно жесткія, водянистыя и вовсе безъ аромата. У береговъ же Аральскаго моря ихъ уже вовсе не было видно; правда, тамъ не встрѣчалось и другихъ посѣвовъ.

Теченіе въ Яны-су медленнѣе, чѣмъ въ Аму и даже чѣмъ въ Куваншъ-джармѣ. Пространство верстъ въ сто тридцать отъ истока послѣдней до озера Кунграда мы прошли съ полудня 3-го августа до 7-го числа, т. е. въ трое съ половиною сутокъ, дѣлая въ часъ

около двухъ съ половиною верстъ. Пространство же верстъ въ пятьдесятъ отъ истока Яны-су до ея устья пройдено нами съ утра 10-го августа до утра 13-го, т. е. также въ трое сутокъ, слѣдовательно, со скоростью гораздо менѣе полуторы версты въ часъ.

На картахъ 1858 г. адмирала Бутакова, на Яны-су, почти по-средины ея, означены были каменные пороги. Подойдя къ этому мѣсту, баронъ Каульбарсъ съ проводникомъ отправился въ воду, захвативъ съ собою футштокъ для промѣровъ поперекъ русла. Результатомъ промѣровъ, продолжавшихся почти цѣлый часъ, явилось убѣжденіе, что въ августѣ эти пороги, если они и существуютъ, не помѣха судамъ, такъ какъ глубины меньшей 7 и 8 футовъ нигдѣ на томъ мѣстѣ не встрѣчалось. Обыкновенно же по фарватеру Яны-су промѣры давали 12, 13, 14 и болѣе футовъ. Это дало тогда же барону Каульбарсу поводъ высказать мысль о томъ, что проходъ для русскихъ пароходовъ въ Аму-дарью возможенъ чрезъ Яны-су, озеро Дау-кара и чрезъ Куваншъ-джарму. Въ то время мы не видали еще при-кунградскихъ плотинъ на Улькунъ-дарьѣ, но знали уже о нихъ по слухамъ о работахъ, предпринятыхъ для ихъ разрушенія по инициативѣ начальника аральской флотиліи. По мнѣнію барона Каульбарса, путь чрезъ Яны-су въ Аму, въ теченіе 3½ мѣсяцевъ полной воды, возможенъ для такихъ пароходовъ, какъ «Самаркандъ»; допуская же, что восточные рукава Аму довольно богаты водой не только вслѣдствіе плотинъ у Кунграда, но быть можетъ, главнымъ образомъ, въ силу отступленія Аму къ сторонѣ ея праваго берега, по закону Бэра, казалось, что этотъ путь долженъ былъ пріобрѣсть еще большее значеніе съ теченіемъ времени.

Я, впрочемъ, полагалъ, что малая ширина и извилистость Куваншъ-джармы, вмѣстѣ съ мелководіемъ пролива между озерами Кунградъ и Кара-терень, будутъ представлять значительныя затрудненія для плаванія нашихъ пароходовъ. Тѣмъ болѣе рискованнымъ казалось мнѣ заключеніе о возможности судоходства по Яны-су и Куваншъ-джармѣ, что мы проходили ихъ въ полную воду, уровень которой, по наблюденіямъ нашихъ моряковъ на Улькунъ-дарьѣ, превышаетъ на семь футовъ уровень меженной воды. Однако, въ пользу мнѣнія барона Каульбарса теперь уже говоритъ фактъ (*).

Вѣроятно, Улькунъ-дарья, широкая, прямая, глубокая и много-

(*) Изъ сообщеній о ходѣ работъ аму-дарьинской ученой экспедиціи въ 1874 году извѣстно, что въ концѣ іюля пароходъ «Перовскій» прошелъ этимъ путемъ, послѣ тщетныхъ попытокъ пробраться изъ Улькунъ-дарьи въ Аму чрезъ разрушенныя плотины.

водная рѣка, питается исключительно водою разливовъ и множества мелкихъ, поросшихъ камышомъ протоковъ аму-дарьинской дельты. Весьма интересно будетъ узнать изъ отчетовъ ученой экспедиціи 1874 года, отчего пароходъ «Перовскій» не могъ пройти въ Аму чрезъ разрушенныя плотины. Неужели такое широкое, прямое и глубокое русло, какое имѣетъ Улькунъ-дарья, не есть непосредственное продолженіе главнаго русла Аму, къ которому и по ширинѣ, и по многоводности, она весьма подходитъ? Сомнѣніе въ этомъ я, впрочемъ, слышалъ еще въ 1873 г. отъ лицъ, осматривавшихъ при-кунградскія плотины. Изслѣдованія 1874 года съ проектированными нивелировками поперекъ дельты р. Аму и между морями Каспійскимъ и Аральскимъ, конечно, разъяснятъ окончательно какъ значеніе старыхъ сухихъ руселъ Аму, такъ и плотинъ, устроенныхъ хивинцами около г. Кунграда. До тѣхъ поръ воздержусь отъ предположеній.

Ночлегъ съ 11-го на 12-е мы имѣли на рисовыхъ поляхъ, на урочищѣ Ике-ата. Здѣсь влѣво отъ Яны-су, верстъ 15 не доходя до ея устья, отдѣляется рукавъ того же названія. Надо думать, что этотъ рукавъ не единственный, и что Яны-су при устьѣ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, поросшихъ болѣе или менѣе густо камышомъ. Мы прошли на каюкахъ только однимъ восточнымъ, но влѣво отъ нашего пути видѣли между камышами узкія полосы воды съ слабымъ теченіемъ. Яны-су въ зелени камышей незамѣтно сливается съ моремъ, очертанія береговъ котораго нѣтъ возможности схватить съ лодки.

По берегамъ Яны-су, начиная отъ протока Кука и до рукава Ике-ата, встрѣчалось довольно много саксаула. Это хвойный кустарникъ, котораго извилистые вѣтви и корни достигаютъ до толщины двухъ или трехъ и болѣе дюймовъ и доставляютъ лучшее, по количеству отдѣляемаго тепла и по удобовоспламеняемости, топливо. Вопросъ о судоходности Аму тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, откуда и какимъ образомъ могутъ быть снабжаемы паровыя суда топливомъ. Окаменѣлости же третичнаго періода, встрѣченныя на обоихъ берегахъ Аму, не даютъ надежды на открытіе тамъ залежей каменнаго угля. Другаго топлива, кромѣ встрѣченнаго нами по Яны-су саксаула, Хивинское ханство тоже не представляетъ, такъ какъ тополя, туты и карагачи или разныя плодовые деревья, очевидно, для этой цѣли недостаточны и непригодны. Остается, слѣдовательно, для пароваго судоходства лишь тотъ саксаулъ, которымъ аральская флотилія дѣйствительно и пользуется какъ на Сырѣ, такъ и на Аму-дарьѣ. Порядочные склады этого топлива были сдѣланы нашими моряками на

Улькунъ-дарьѣ еще въ 1873 г., куда саксаулъ этотъ привозился туземцами издали.

Какъ много саксаула по Яны-су, я заключить не рѣшаюсь, но предполагаю, что количество это должно быть значительно, потому что я много встрѣчалъ саксаула и въ Кызылъ-кумахъ и кое-гдѣ по южному берегу Аральскаго моря, а такъ какъ берега Яны-су представляютъ съ тѣми мѣстностями общій характеръ, то я думаю, что весь этотъ районъ богатъ саксауломъ.

13-го августа, утромъ, мы вышли изъ Яны-су въ море и остановились у низкаго острова. Баронъ Каульбарсъ отправился на маленькой лодочкѣ впередъ осмотрѣть баръ. Издали, по особому оттѣнку воды, было замѣтно положеніе бара. Промѣры дали достаточную для прохода судовъ глубину. Хотя въ Аральскомъ морѣ приливы незаметны, однако моряками нашими замѣчена періодичность нѣкоторой прибыли и убыли воды на улькунъ-дарьинскомъ барѣ, не совпадающая съ періодомъ повышенія уровня въ рѣкѣ. Конечно, послѣдняя причина всего сильнѣе сказывается въ глубинахъ на барѣ.

Передъ устьемъ Яны-су расположена въ нѣсколькихъ мѣстахъ (отъ 5 до 8 верстъ и болѣе) цѣлая группа острововъ, изъ которыхъ Урусъ-сенгиръ поднимается на нѣсколько футовъ изъ воды крутыми, обрывистыми берегами, а нѣкоторые такъ низки, что не видны съ лодки за окружающими ихъ камышами. На нѣкоторыхъ островахъ кочуютъ киргизы. На Сары-атау, къ которому мы пристали 14-го августа, слѣдуя съ востока на западъ параллельно береговымъ камышамъ, мы нашли даже аулъ.

Около этого мѣста насъ должны были ожидать нанятые верблюды и проводники для слѣдованія отсюда сухимъ путемъ къ стоянкѣ русскихъ пароходовъ на Улькунъ-дарьѣ. Пока одинъ изъ прежнихъ вожakovъ отправился ихъ разыскивать, мы занялись каждый своимъ дѣломъ. Баронъ Каульбарсъ расспрашивалъ о дорогахъ во всѣ стороны и о всемъ, что только можно было вывѣдать у туземцевъ. Его особенно занялъ обычный у туземцевъ ночной бой рыбы острогою, и онъ въ тихую ночь, съ зажженнымъ снопомъ сухаго камыша, вмѣсто факела, отправился съ однимъ изъ мѣстныхъ рыболововъ и нашимъ переводчикомъ на песчанья прибрежныя отмели, и въ короткое время нарубилъ столько рыбы, что утромъ на слѣдующій день мы, наши казаки, человекъ 12 хивинцевъ, взятыхъ еще въ Ханки, и нѣсколько человекъ здѣшнихъ киргизовъ имѣли весьма вкусный завтракъ. Тутъ были зарублены: сомъ, судакъ, лещъ и много сазановъ, которыхъ мы жарили въ чугунномъ котелкѣ на коровьемъ маслѣ, куп-

ленномъ еще прежде въ аулахъ на Яны-су, или варили изъ нихъ уху.

15-го, я взялъ соотвѣтственные и полуденныя высоты солнца, а топографъ Рудневъ приводилъ въ порядокъ свой маршрутъ. Мы начали чувствовать сильный недостатокъ въ прѣсной водѣ, которою хотя и налили кувшины на устьѣ Яны-су, но она въ жару частью испарилась, частью истратилась.

Расплатившись съ матросами-хивинцами (по мѣстному названію — каюкче), мы отпустили лодки назадъ въ Ханки и утромъ 16-го выступили на лошадяхъ и верблюдахъ на юго-западъ. Дорога отъ Сарыатау, перейдя неглубокій и неширокій проливчикъ, идетъ сначала по песчаному грунту, сплошь почти покрытому кустарникомъ (саксауломъ). Далѣе начинается степной камышъ, вовсе непохожій на морской и озерный; онъ-то и доставляетъ обильный кормъ стадамъ кочующихъ здѣсь киргизовъ и каракалпаковъ. Къ вечеру того же числа мы пришли въ аулъ Терменбесъ, гдѣ и расположились на ночлегъ. Здѣсь мы нашли молоко, масло, а главное годную для питья воду, которой не встрѣчали отъ устья Яны-су.

Населеніе здѣсь занимается скотоводствомъ, сильно развитымъ по всей дельтѣ Аму, благодаря обилію воды и пастбищъ. Дорогой мы были однажды свидѣтелями, какъ разливъ затоплялъ аулъ и сгонялъ его съ мѣста. Женщины снимали и укладывали кибитки и домашній скръбъ, мужчины собирали скотъ, выючили верблюдовъ и арбы и вереницей отправлялись въ глубь дельты, въ мѣстности, нѣсколько выше лежащія надъ уровнемъ моря, для того, чтобы по снадѣ водъ снова спуститься на эти привольныя пастбища. Воздѣланной земли я здѣсь не встрѣчалъ, кромѣ небольшихъ клочковъ, засѣянныхъ дынями, и то весьма рѣдко. 18-го числа мы тронулись далѣе и въ тотъ же день вышли на Улькунъ-дарью, въ 7 или 9 верстахъ ниже отъ мѣста стоянки русской флотиліи. Версты три не доходя рѣки, намъ пришлось сѣсть на лодки и переправляться въ камышахъ черезъ разливъ. Туземцы организовали тамъ правильный перевозъ, и лодки съ сѣдоками и разнымъ грузомъ совершаютъ, по мѣрѣ надобности, рейсы взадъ и впередъ. Здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ въ Хивинскомъ ханствѣ лебедей.

На лодкахъ мы вышли каналомъ или протокомъ прямо въ Улькунъ-дарью. Лошадей послали въ бродъ, а потомъ перевезли ихъ на лодкѣ на лѣвый берегъ Улькунъ-дарьи и отправились берегомъ; кое-что изъ нашего груза и сѣдла сложили въ лодку, которая бичевой тронулась вверхъ по рѣкѣ. Дорогой намъ часто попадались рыбаки, ловящіе здѣсь рыбу крючками, неводомъ и оригинальнымъ способомъ,

состоящимъ въ томъ, что въ узкомъ мѣстѣ рѣчку или протокъ они перегораживаютъ плетнемъ, среди котораго устраиваютъ узкій проходъ, ведущій въ небольшую, огороженную въ водѣ со всѣхъ сторонъ тѣмъ же плетнемъ камеру; въ нее-то и заходитъ рыба, которую отъ времени до времени достаютъ оттуда наметомъ. Такъ ловятъ шиповъ, дешевизна которыхъ при большомъ уловѣ поразительна. На пароходахъ, гдѣ вслѣдствіе большого спроса цѣны были выше обыкновенныхъ, за большого икрянаго шипа платили по 10, 15 и 20-ти коп. Чуть-ли не черезъ день туда приходили туземныя лодки, нагруженные шипами.

19-го августа, часовъ въ 10 утра, увидѣли мы русскія мачты и пароводныя трубы, а около полудня пристали невдалекѣ отъ парохода «Самаркандъ». Когда мы представились начальнику аральской флотиліи, капитану 1-го ранга Ситникову, то были любезно приглашены на «Самаркандъ» къ обычному въ полдень офицерскому завтраку. Съ 1-го марта, т. е. со времени выступленія изъ Ташкента въ походъ, мы всѣ, въ составѣ сухопутнаго отряда, привыкли къ разнообразнѣйшимъ лишеніямъ отъ недостатка провизіи, крова иногда воды. Какъ же были мы пріятно удивлены, найдя на «Самаркандѣ» прекрасно приготовленный и отлично сервированный завтракъ, съ бутылкой елисѣевского вина, чистое помѣщеніе и мягкую комфортную мебель, на которой такъ сладко было отдохнуть уставшимъ членамъ.

Изъ разсказовъ начальника флотиліи о мѣрахъ, предпринятыхъ для проведенія нашихъ судовъ въ Аму, мы узнали, что ханъ, по требованію командующаго войсками, дѣйствовавшими противъ Хивы, прислалъ свое довѣренное лицо, есаула-баши, который, собравъ нѣсколько тысячъ рабочихъ, принялся разрушать возведенныя близъ Кунграда плотины, число которыхъ доходило до семи, съ весьма почтенными размѣрами (ширина нѣкоторыхъ была десятисаженная). Капитанъ Ситниковъ говорилъ, что Улькунъ-дарья вполне судоходная рѣка и единственное на ней затрудненіе заключается въ незначительной глубинѣ (отъ 3-хъ до 5-ти футъ) бара при устьѣ. Баронъ Каульбарсъ указывалъ на Яны-су и Куваншъ-джарму, какъ на готовый путь въ Аму, но разсказъ о незначительной ширинѣ и извилистомъ фарватерѣ не расположили къ нему моряковъ. Къ тому же они опасались, чтобы пороги Яны-су, означенные адмираломъ Бутаковымъ, при спадѣ воды (а вода, по ихъ наблюденіямъ, въ августѣ поднялась противъ меженнаго уровня на семь футовъ), не помѣшали обратному пути нашихъ судовъ.

20-го утромъ пароходъ «Самаркандъ», съ начальникомъ араль-

ской флотилии и нами, отправился осмотрѣть улькунъ-дарьинскій баръ. Къ полудню, пройдя версть 50, мы были на устьѣ. Эти 50 верстъ мы шли по глубинѣ не менѣе 9-ти или 10-ти футовъ, при широкомъ фарватерѣ. Берега Улькунъ-дарьи не высоки, особенно правый, большею частью поросшій камышомъ. Не доходя версть на 10 до устья, на поворотѣ рѣки, мы прошли мимо крѣпостцы Акъ-кала, подъ ядрами которой, какъ извѣстно, прошла наша флотилія въ началѣ хивинской кампаніи. Еще ближе, версть на пять къ устью, мы прошли мимо отдѣляющагося влѣво и полузаросшаго камышомъ рукава Кичкине-дарья. Самое названіе (въ переводѣ—малая рѣка) указываетъ на незначительность этого рукава въ сравненіи съ Улькунъ-дарьей, которая въ переводѣ значитъ большая рѣка.

Послѣ осмотра и промѣровъ, «Самаркандъ» къ вечеру воротился на прежнюю стоянку, гдѣ было получено предписаніе командующаго войсками готовиться къ перевозкѣ въ Казалинскъ раненыхъ, больныхъ, отпускныхъ нижнихъ чиновъ и части офицеровъ. Моя фамилія стояла въ спискѣ послѣднихъ, и въ первыхъ числахъ сентября я былъ уже въ Казалѣ. Баронтъ же Каульбарсъ отправился сухимъ путемъ на Перовскъ, и успѣлъ еще, хотя и съ большими затрудненіями, осмотрѣть Кызылъ-кумы.

С. Сыроватскій.

СМБ. Воед. 1874 № 115.

ЗАМѢТКИ О ХИВИНСКОМЪ ХАНСТВѢ,

ЗАПИСАННЫЯ СО СЛОВЪ МАТЬ-МУРАТА, БЫВШАГО
ДИВАНЪ-БЕГИ ХАНСТВА ВЪ 1873 г.

Проѣзжая черезъ гор. Казалинскъ въ первыхъ числахъ декабря 1873 г., мнѣ удалось выхлопотать себѣ позволеніе посѣтить заключеннаго въ Казалинскъ Мать-Мурата, бывшаго диванъ-беги Хивинскаго ханства до прихода русскихъ въ Хиву. Я нашелъ Мать-Мурата въ двухъ комнаткахъ, рядомъ съ лазаретомъ. Первая занималась часовыми, а во второй, передѣланной на хивинскій ладъ, помѣщался Мать-Муратъ съ другимъ сановнымъ хивинцемъ и двумя прислужниками. У окна, задѣланнаго желѣзной рѣшеткой, на выложенномъ изъ кирпича небольшомъ возвышеніи (вершка въ 4 надъ поломъ) были разсланы кошмы, по стѣнамъ висѣли халаты, бараньи шубы и мѣховыя шапки. На кошмахъ помѣщался Мать-Муратъ съ своимъ сотоварищемъ. Возвышеніе, на которомъ были разсланы кошмы, занимало только около половины продолговатой, въ одно окно, комнатки. Тамъ, гдѣ это возвышеніе оканчивалось, сдѣлано было въ каменномъ полу, по хивинскому обычаю, четырехъ-угольное углубленіе, наполненное раскаленными углями: это очагъ, на которомъ служители Мать-Мурата грѣютъ чайники и около котораго онъ самъ грѣлся, въ виду довольно суровыхъ казалинскихъ морозовъ. Не смотря на то, что въ комнатѣ имѣлась печка, которую часовые ежедневно протапливали, хивинцы недовѣрчиво относились къ такому способу нагрѣванія и охотѣе грѣлись у своего очага, на которомъ тутъ же приготовляли себѣ

и пищу. Задняя часть комнаты, на лѣво отъ двери, была завалена кучей древеснаго угля, заготовленнаго хивинцами для своего очага чуть-ли не на всю зиму. Тутъ же, въ мѣшкахъ, стояла разная провизія: ристъ, мука, морковь, яблоки, и посуда: чайники металлическіе, чашки, котелки и тому подобное.

По наружности Мать-Мурату можно дать не болѣе 35—40 лѣтъ. Родомъ онъ афгавецъ. Въ тонкихъ и красивыхъ чертахъ его лица проглядываетъ умъ. Черные, блестящіе его глаза во время разговора то вспыхиваютъ, то потухаютъ; его улыбка выражаетъ хитрость. Онъ держитъ себя съ достоинствомъ, и по разговору и манерамъ рѣзко отличается отъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Онъ худъ и блѣденъ. Одѣтъ онъ былъ въ обыкновенный хивинскій полосатый, бумажный, стеганный на ватѣ халатъ, небольшую коническую шапку изъ молодыхъ овчинъ (сак-сакъ), мѣхомъ внутрь, и сапоги изъ желтой кожи, съ носками, загнутыми вверхъ.

Когда я, съ однимъ изъ казалинскихъ офицеровъ, вошелъ въ его комнату, онъ вѣжливо насъ привѣтствовалъ. Разговоръ, съ трудомъ вязавшійся при посредствѣ не слишкомъ ловкаго переводчика, я направилъ на провѣрку нѣкоторыхъ фактовъ хивинской защиты, на разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ хивинской администраціи, народныхъ обычаевъ и на нѣкоторыя статистическія данныя о ханствѣ до прихода русскихъ. Бытъ сомнѣніе, что походъ 1873 г. произвелъ и произведетъ въ будущемъ коренныя измѣненія въ ханствѣ, и потому нѣкоторыя цифры и свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Мать-Муратомъ, я записалъ для памяти.

Мать-Муратъ, главный дѣятель защиты противъ русскихъ въ 1873 г., сторонникъ враждебныхъ къ намъ отношеній, и до прихода русскихъ пользовавшійся почти неограниченною властью въ ханствѣ, рассказалъ слѣдующее о защитѣ:

Ханъ проводилъ все время въ удовольствіяхъ или городской, придворной жизни, или на охотѣ. Когда дошли до нихъ извѣстія о движеніи русскихъ къ ихъ предѣламъ, всѣ были убѣждены въ недоступности Аму-Дарьи со стороны Кызыль-Кумовъ. Путь съ моря былъ прегражденъ плотинами подъ Кунградомъ, и на берегу рукава, наиболѣе доступнаго большимъ судамъ, Улькунъ-Дарьи, не вдалекѣ отъ моря, была по-

строена крѣпость Акъ-Кала *), вооруженная пушками и съ гарнизономъ въ 300 человѣкъ пѣшихъ. Такъ какъ русскіе доходили еще прежде отъ колодца Ирקיбая до озера Дау-Кара, то у озера, также въ крѣпости, были поставлены двѣ пушки, при 400 или 500 человѣкъ гарнизона. Когда развѣдчики изъ Кызылъ-Кумовъ донесли, что туркестанскій отрядъ пришелъ на Хала-Ата, то на правый берегъ къ Учъ-Учаку и озеру Сардаба-Куль выѣхалъ самъ Мать-Муратъ, имѣя двѣ пушки и три или четыре тысячи человѣкъ конныхъ. Садыкъ, присоединился къ нему, имѣя при себѣ около сотни джигитовъ, кромѣ шести или восьми своихъ приближенныхъ киргизъ. Въ лагерь Тюнь-у-Клю, на правомъ же берегу рѣки Аму, Мать-Муратъ имѣлъ тѣ же самыя силы. Видя невозможность вступить въ бой съ русскимъ отрядомъ и получивъ въ то же время извѣстіе о появленіи другого русскаго отряда подъ гор. Кунградомъ, Мать-Муратъ, переправивъ свое войско на лѣвый берегъ Аму, уѣхалъ въ Хиву къ хану, поручивъ начальство надъ позиціей при Шейхъ-Арыкъ и защиту гор. Хазаръ-Аспа другому диванъ-беги, Мать-Ніазу *). На Шейхъ-Арыкъ силы были увеличены еще двумя пушками изъ Хазаръ-Аспа и сборомъ окрестный жителей. Приѣхавъ въ Хиву, Мать-Муратъ началъ переговоры о мирѣ съ командующимъ войсками, и въ то же время, однако, занимался приготовленіями къ оборонѣ въ самой Хивѣ, гдѣ были собраны двѣ тысячи конныхъ хивинцевъ и отъ трехъ до четырехъ тысячъ іомудовъ **). Всего въ хивинскомъ ханствѣ въ 1873 г. имѣлось отъ 28 до 30 пушекъ (гладкоствольныхъ). Когда подошелъ оренбургскій отрядъ и завязалъ дѣло подъ стѣнами Хивы, ханъ бѣжалъ съ 200 приближенными хивинцами и іомудами сначала въ Бедеръ-Ханъ, а затѣмъ въ Змукширъ, въ землю іомудовъ, отку-

*) Мимо этой крѣпости русскіе пароходы Аральской флотиліи, «Самаркандъ» и «Перовскій», прошли подъ выстрѣлами двухъ непріятельскихъ пушекъ въ 70 саженьяхъ, послѣ чего гарнизонъ, задача котораго была не допустить наши суда до Кунграда, бѣжалъ. У насъ убиты осколками разбившагося объ якорь ядра 2 матроса и ранены отъ 3 до 5 чел.

*) Нынѣ перваго министра въ Хивѣ.

**) Я слышалъ въ Новомъ Ургенчѣ отъ купцовъ, что ханъ будто бы за помощь іомудовъ выплатитъ имъ 160,000 рублей.

да онъ вернулся въ Хиву и явился въ русскій лагерь по письму своего дяди, написанному по приказанію командующаго русскими войсками.

Огосительно управленія ханства Матъ-Муратъ сообщилъ слѣдующее. Неограниченный властелинъ ханства, Сеидъ-Магометъ-Рахимъ-ханъ, дѣлами управленія занимался весьма мало, и все время посвящалъ исключительно удовольствіямъ. Ханъ имѣлъ четыре жены и до ста рабынь. Изъ высшихъ должностныхъ лицъ въ ханствѣ кушъ-беги и мехтеръ занимались сборомъ податей, причемъ одна половина каждаго города платила мехтеру, а другая — кушъ-беги. Затѣмъ слѣдовали представители администраціи и военачальники, четыре диванъ-беги, которыми были: Матъ-Муратъ, Матъ-Ніазъ, Худояръ и Хасанъ-Бай. Судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ казы, судившихъ по шаріату, и въ верховномъ судѣ, производившемся лично ханомъ, не стѣсняясь никакими узаконеніями. Финансовая часть въ ханствѣ была въ такомъ положеніи. Всѣхъ доходовъ ханъ имѣлъ въ годъ около 200,000 р., которые составлялись изъ слѣдующихъ сборовъ: 1) земельная подать: съ 10 танаповъ (1 танавъ = $\frac{1}{3}$ десятины) платилось 3 тиль (1 тиль = 1 р. 80 к.); 2) внутреннія торговые пошлины; Матъ-Муратъ собиралъ со всѣхъ лавокъ, смотря по величинѣ и богатству, отъ 1 кокана (20 к.) до 1 тиль; 3) пошлины съ вѣшной торговли, зякетъ: съ верблюда и лодки изъ Бухары брали $\frac{1}{40}$ стоимости товара, съ верблюда, отправляемаго въ Россію, 1 тиль, а съ верблюда, приходящаго изъ Россіи — 3 тиль. Пошлины съ бухарской торговли давали до 2,000 тиль въ годъ. Изъ Бухары получался главнымъ образомъ зеленый чай и табакъ для кальяна. Въ Россію отправляли: хлопскъ, шелкъ, кишмишъ, фисташки, мерлушки, а получали: сахаръ, мануфактурныя и металлическія издѣлія. Въ Бухару отправляли невольницъ и лошадей. Торговля съ киргизами заключалась въ продажѣ пшеницы, рису, ячменя и одежды и въ покупкѣ скота.

Матъ-Муратъ утверждалъ, что кромѣ торговли съ Россіей и Бухарой другихъ вѣшнихъ сношеній Хива не имѣла. Тѣмъ не менѣе въ хивинскомъ ханскомъ дворцѣ найденъ значительный запасъ англійскаго свинца въ плитахъ, англійскія ружья и револьверы. Кромѣ того въ гор. Хазаръ-Аспъ найдена большая синяя четырехъ-

мѣстная карета на стоячихъ рессорахъ, которая значилась въ списокѣ подарковъ королевы Викторіи хану, найденномъ въ бумагахъ хана. Одинъ изъ жителей города Ханки (биі) рассказывалъ мнѣ, что въ 1872 году онъ былъ посланъ ханомъ въ Калькутту, подъ видомъ своихъ собственныхъ дѣлъ, но въ дѣйствительности для переговоровъ о помощи противъ русскихъ. Все это наводитъ на мысль о вѣроятности сношеній и съ Англіей, хотя, безъ сомнѣнія, затруднительныхъ, по географическому положенію страны.

Съ каракалпаковъ въ дельтѣ р. Аму получалось до 20,000 тиль въ годъ. Съ киргизъ, при продажѣ на базарахъ, брали съ верблюда отъ 3 до 5 кокановъ, съ 40—100 барановъ 1 сіль, съ 10 барановъ 2 кокана (40 к.). Туркмены правильной подати не платили, а давали подарки, селяу, за пользованіе водой изъ арыковъ, берущихъ начало въ хивинскомъ ханствѣ.

Магометанская религія суннитскаго толка поддерживалась ревностно въ городахъ муллами и ишаками (юродивыми), строго по всѣмъ росписаніямъ корана и шаріата. У кочеваго населенія киргизъ и у каракалпаковъ, живущихъ полусѣдло аулами, такого строгаго и точнаго исполненія обрядовъ и предписаній магометанства встрѣтить было нельзя. Пять разъ въ день люди, пользующіеся почетомъ, становятся обыкновенно на молитву, творятъ намазъ: намазъ-иртень до восхода солнца, намазъ-пешень чрезъ $1\frac{1}{2}$ часа послѣ полудня, намазъ-дигеръ за $1\frac{1}{2}$ часа до заката, намазъ-шанъ на закатѣ, и намазъ-хонъ-генъ или фуф-тенъ—чрезъ $1\frac{1}{2}$ часа по закатѣ. На седьмомъ году надъ ребенкомъ мулла совершаетъ обрѣзаніе, за что получаетъ въ подарокъ халатъ. При совершеніи брака мулла выдаетъ мужу объ этомъ записъ, за что получаетъ 1 тиль. Женихъ за невѣсту платитъ выкупъ родителямъ невѣсты; такъ-называемый калымъ, который у обыкновенныхъ, средней руки, хивцевъ, доходитъ до 300 тиль; ханъ же платилъ, напримѣръ, и до 15,000 тиль. По шаріату казы, (судья) можетъ присудить разводъ, если жена докажетъ знаками или свидѣтелями, что мужъ ее бьетъ или не доставляетъ ей необходимаго содержанія: пищи, одежды и пр. Мужъ можетъ прогнать плохую жену, которая возвращается въ родительскій домъ, или казы находитъ ей заработокъ. Казы при разборѣ тяжёбныхъ дѣлъ руководствуется

шариатомъ, причемъ обыкновенны подобныя рѣшенія: если задолжавшій не можетъ въ срокъ уплатить долгъ, разорившись отъ несчастнаго случая, или вообще по совершенному неимѣнью средствъ къ уплатѣ, то казы заставляетъ истца ждать до-тѣхъ-поръ, пока будетъ пріобрѣтена возможность уплатить; даже законный процентъ $\frac{1}{20}$ слагается въ этомъ случаѣ; если же будетъ доказано, что средства къ уплатѣ есть, или должникъ ложно отказывается отъ долга, то онъ подвергается наказанію палками по спинѣ, пока не изъявитъ согласія къ немедленной расплатѣ. За кражу отрубали правую или лѣвую руку, смотря потому, которая болѣе виновата. За невѣрность женъ закапывали по грудь въ землю и побивали камнями. За побѣгъ раба ему выкалывали глазъ. Смертная казнь на висѣлицѣ или подъ пожомъ палача могла налагаться только ханомъ или отъ его имени. Имущество казненаго поступало къ хану, а одежда его въ день казни — къ палачу. Важныя судебныя дѣла рѣшались ханомъ, къ которому недовольные рѣшеніями казы обращались также съ апелляціями. — Вотъ нѣсколько статистическихъ данныхъ о стоимости недвижимой собственности. Земля продавалась за танзъ около Хивы отъ 200 до 300 тилей, а сады дороже. Нѣсколько ташъ отъ Хивы (1 ташъ = 8-ми верстамъ) земля пахотная продавалась отъ 15-ти до 30-ти тилей. Строенія продавались въ Хивѣ по размѣрамъ и качеству, по 2, 3 и 5 тилей съ единицы длины отъ середины груди человѣка до конца кисти его руки. Обмѣръ производился по окружности стѣнъ строенія.

Въ теченіе 2-хъ часоваго разговора Матъ-Муратъ передалъ мнѣ эти подробности о ханствѣ, которыя интересно будетъ сравнить съ тѣми свѣдѣніями, которыя добудутся въ ханствѣ новыми экспедиціями въ нынѣшнемъ году, и вообще въ будущемъ. Въ чемъ то скажется русское вліяніе на экономическое положеніе ханства? Какова будущность этого оазиса?

Сыроватскій.